

Инна Баринская

花 華

Детектив
сильных
страстей

Шаги по воде

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Шаги по воде

«ЭКСМО»

2012

Бачинская И. Ю.

Шаги по воде / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2012 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-59071-1

Ночью Ксения впала в забытие, и ей приснился сон. Вернее, кошмар... Женщина беззвучно кричала, запрокинув голову. Беззащитная шея, раскинутые в стороны руки, разлетевшиеся волосы... Она упала лицом вниз... И вдруг словно включился звук. Послышались шаги. Человек склонился над незнакомкой и протянул руку. Она повернула голову – и Ксения с ужасом узнала свою подругу Стеллу!.. Проснувшись она от собственного крика. Александр тряс ее за плечо... Этот известный в городе экстрасенс когда-то встречался со Стеллой, но они расстались. Ксения не собиралась заводить с ним роман, все случилось само собой... Быстро собравшись, они поехали к Стелле. Она лежала в прихожей лицом вниз в своем любимом черном шелковом халате с белым иероглифом на спине, обозначающим «счастье»...

ISBN 978-5-699-59071-1

© Бачинская И. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Инна Бачинская

Шаги по воде

*Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя —
Куда он движется, скользя
По лунному карнизу.*

Георгий Иванов

*Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*
Автор

Глава 1

Я

Стерва, сука, подстилка... Что еще? Дрянь! Кто больше? Дешевки с ненавистью смотрят на меня, в их взглядах, как в зеркале, отражаются их чувства. Волчата со сверкающими глазами, замолкающие, стоит мне войти. Судачили за спиной, обсосали, оплевали, окунули в дерьмо. Гарем, дружно ненавидящий старшую жену. Они сидят за своими столами, уткнувшись носами в экраны компьютеров, длинные, тощие бледные поганки, чья испорченность вопиет из каждой складки одежды. Любительницы орального секса и пустых гламурных журналов, где картинок больше, чем текста, а текст – подписи под фотографиями. Звонящая пустота их голов – результат социальной лоботомии – вмещает две жизненно важные вещи: деньги и секс, и как их производные – еще дюжину: невежество, всеядность, глупость, жадность, высокомерие, лень... И так далее.

Прошу любить и жаловать – это штат риелторской фирмы «Global Village». Что касается меня, то... Ваша покорная слуга. «Ваш покорный слуга кот» одного японца был моей настольной книгой много лет. «Ваша покорная слуга» – дань любимому роману. Незаслуженно заброшенное словосочетание, в котором нет ничего уничижительного, а только вежливая готовность прийти на помощь.

Ваша покорная слуга – Ксения Холодова, заместитель директора фирмы, того самого любителя бледных поганок и скорого секса на диване в собственном кабинете во время обеденного перерыва. Вечером – ни-ни! Дома ждет верная супруга и трое крошек. Двое ее личных и одна – общее достояние. Крошки достались моему начальнику вместе с женой, а жена, бывшая вдова основателя бизнеса, вместе с фирмой. Лариса – славная тетка, хоть и старше последнего супруга на двенадцать лет, что дает ему моральное право на диванные утехы в обеденный перерыв, а бледным поганкам – положение любимых наложниц босса. В силу шарахания от надоевшего и привычного мой хозяин Роман Руденок тянется к бледным, тощим, безмозглым девицам, которых без конца принимает на работу, а потом увольняет, называя этот процесс «вливанием свежей крови». В результате штат делится на работающих и трахающихся, причем если первые держатся довольно долго, то последние мелькают, как падающие звезды – раз, и нет!

Я – из тех, кто держится, а также имеет власть и силу. Та самая высокомерная сучка, которая вызывает протест поганок на подсознательном уровне. Каждая считает, что она не

хуже, а лучше, когда дело доходит до койки – а что в жизни более ценно, чем секс? Тем более что я не сплю с хозяином. Или он не спит со мной. Не спать с хозяином просто неприлично, если он не педик, а нормальный мужик.

Поганки величают меня не Ксюша, Ксанка, Ксенечка или еще как-нибудь, а Ксения Валентиновна Холодова, и непременно на «вы». От такого имени веет арктическим льдом и скрытой угрозой – попробуй, тронь! И вечной девственностью. Амазонка Ксения. Стальной взгляд и копьё наперевес. За глаза они называют меня «сучкой», что из их уст звучит комплиментом. Я тоже не стесняюсь в определениях, мысленно, разумеется.

Я – работоголик, из тех, кто приходит на службу первым и уходит последним. Отношения мои с бледными поганками имеют классовый характер – это отношения трудяги и тунеядцев. Они боятся меня. Переспав с хозяином, они думают, что схватили бога за ноги, как говаривала моя бабушка, и полагают наипервейшей своей обязанностью готовность номер один к диванным услугам. А потом бывают неприятно удивлены, узнав, что заработок зависит не от проворства на диване – это, так сказать, лишь право на работу, а от количества сделок, заключенных с их подачи. И жаловаться бесполезно, потому что я – «священная корова», которую связывают особые отношения с хозяином и его женой Ларисой. Лариса – мудрая женщина, смотрящая сквозь пальцы на прыжки супруга. Это до такой степени мало ее трогает, что никогда не становится предметом разговора во время наших традиционных ланчей примерно раз в квартал. За что я люблю ее, и она это знает.

«Мужчина – это породистый пес, – однажды заметила Лариса по поводу семейного скандала с мордобоем в известном семействе, который взапуски обсуждали городские сплетники. – Его нужно хорошо кормить и периодически спускать с поводка». Она сказала это для меня, давно уже, в самом начале нашего знакомства, почувствовав мою неловкость от двусмысленности положения человека, которому известны адюльтерные эскапады ее супруга, являющегося в то же время его, этого человека, работодателем. Со снисходительностью коронованной особы она потрепала меня по руке и улыбнулась. Лариса сумела провести четкую разделительную линию между собой и бледными поганками. К тому же ее уверенность в себе подкреплялась юридически не только положением супруги, но также и владелицы фирмы.

Лариса была полной невысокой женщиной, знающей толк в одежде и ювелирных изделиях. Дом она вела блестяще. Любой дежурный семейный обед подавался на белоснежной скатерти и непременно с участием парадного серебра, а также салфеток в тон скатерти. Беспутный Роман по-своему любил ее, но не как жену, а как родственницу, какую-нибудь богатую тетку, спускающую ему шалости и сующую деньги на такси и девочку. Он называл ее «мамочка».

Брокера, как волка, кормят ноги. И многое другое, вроде предприимчивости, неутомимости, хорошо подвешенного языка – от этого зависит умение впарить товар при высокой рыночной конкуренции. И потому на первом месте у нас в фирме неприметная пенсионерка баба Броня, способная уговорить и черта из горячей преисподней купить теплый тулуп. Баба Броня – физиономист, мигом усекающий финансовые возможности клиента, а также его глубокие подводные желания и пристрастия. Клиенту, с придыханием произносящему волшебные слова «евроремонт» и «стеклопакет», как правило, чихать на вид из окна. Волшебное видение изнанки ободранных хрущоб или гаражей-самостроя его нисколько не напрягает. «Если душе человека нужен презренный пятак, – сказал однажды так или примерно так один мечтатель, – нетрудно дать ему этот пятак». Другое дело клиент, настаивающий на картинке из окна в ущерб подвесным потолкам, – это серьезный персонаж, понимающий толк в антураже и заслуживающий уважения опытного брокера. Его удовлетворить намного труднее, так как «евроремонт» понятие вполне расхожее, а вид из окна – штучная работа.

Справедливости ради необходимо заметить, что тех, кто готов выложить сверх средней суммы двадцать-тридцать тысяч зеленых за адекватную окружающую среду за бортом, становится все больше. Особенно это касается иностранцев – американцев, немцев и шведов, кото-

рые понемногу выют гнезда в нашем городе. Эти знают цену красоте. Период первоначальных накоплений в их странах закончился два-три века назад.

«Ксенья», – называет меня Сэм Вайт, купивший три квартиры на первом этаже в центре города под «ковбойский ресторан» с антуражем американского Дикого Запада – всякими штучками по стенам вроде пастушеских лассо, индейских томагавков, расшитых бисером рубах из кожи оленя, мокасин и рогов бизонов. Я абсолютно уверена, что вся эта сверкающая позолотой и лаком «бижутерия» изготовлена из пластика на китайской фабрике сувениров. Тут же будут подаваться громадные американские стейки, жареная картошка, салаты из «tossed salad», что переводится как «рванный салат». И двадцать-тридцать сортов пива в придачу. И непременно «draft beer» – бочковое – для тех, кто понимает. «У вас совсем не подают салат, – жалуется Сэм. – А на фермерском рынке только один-два сорта. А у нас в любом супермаркете не меньше десяти».

Сэму сорок пять лет, и уже наметилась круглая плешь на макушке, но он простодушен, естественно, деликатен и умеет считать деньги – качества, казалось бы, взаимоисключающие. В нашем городе у него проблемы не только с салатом, но Сэм о них молчит. Сейчас он занят переоборудованием купленных квартир под ресторан. С ним работает его приятель-архитектор с авантюрной жилкой, недавно приехавший из Америки. К моему удивлению, Сэм почти не жалуется на шаромыжников из строительной компании, делающей ремонт. «Наши такие же, – заметил он как-то вскользь. – Разрушив стены, они просто бросают клиента, зная, что тот никуда не денется. Правда, у нас можно подать в суд, а у вас – себе дороже!» Один раз, всего лишь один раз, он упомянул чиновников, чьи подписи необходимы для открытия бизнеса, назвав их «crooks» – «жуликами». По словам Сэма, любимое американское приветствие: «Увидимся в суде». Так он шутит.

Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Деловая женщина, а не «бизнесвумен» – слово, рождающее у меня бурное неприятие. Так и вижу мысленным взором крупную пегую корову по имени Бизнесвумен, с выражением тупой непоколебимости на морде шагающую размеренно и неторопливо, и здоровенное вымя маятником мотается из стороны в сторону. Для меня любое слово имеет скрытый смысл, часто ничего общего не имеющий с общепринятым значением. Слово «стол», например, рождает даже звук – легкий шелест, а слово «комната» – картинку: кубик, медленно плывущий в пространстве. «Дерево» – каменный столб. «Человек» – клубок черных ниток. И так далее, до бесконечности. Так играет мой интеллект и «взбрыкивает» воображение. Иногда это забавно, иногда мешает жить.

У меня диплом Международной академии менеджмента и права, скороспелого «joint venture» – совместного предприятия начала девяностых, экзотического союза родного отечества и Мальты. Голубоватый лист толстого ватмана размером сорок на тридцать сантиметров в строгой рамке красного дерева украшает стену моего кабинета. Нечеловечески красивым каллиграфическим почерком с завитушками, черной тушью на трех языках – латыни, английском и родном – диплом удостоверяет, что я, Ксения В. Холодова, являюсь магистром в области социальных наук, международного права и информатики. Вверху красочный герб – мальтийский лев с добродушной мордой, внизу – зубчатая золотая печать размером с полтинник на витом красно-белом шнуре. Декоративно до неприличия, но вполне гламурно. В духе уважения или даже преклонения перед традициями, что особенно заметно в дате основания, присутствующей на вывеске любой зеленой лавки, винного магазинчика или ресторана на Мальте, да и во многих других странах. Дата – это стабильность, основательность и серьезность намерений. Знак качества и признание.

Юридическая фирма, где я два лета подряд проходила практику, называлась «Бяготти, Скимпа и сын» и была основана в 1882 году первым господином Бяготти. Последний господин Бяготти, продавший дело своему помощнику господину Скимпе, пребывал на заслуженном отдыхе. Жил в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Заходил иногда поведать

коллег. Это был подвижный, несмотря на свои за восемьдесят, человек, небольшой, изящный, в сшитых на заказ костюмах и башмаках. Этим он отличался от нового владельца Умберто Скимпы, который одевался в первом попавшемся магазине готового платья и в какой-то степени так и остался подростком из бедной многодетной семьи, получившим работу курьера в фирме сорок лет тому назад.

Как-то во время обеда в ресторане господин Бьяготти словно случайно положил свою смуглую, все еще красивую руку на мою. Тщательно отделанные ногти его были покрыты лаком. В темно-карих глазах прыгали черти, и смотрел он прямо мне в глаза, чуть насмешливо и восхищенно. Господин Бьяготти остался для меня образцом того, что называется настоящим мужчиной, даже в свои годы, – умным, сильным, снисходительным. Он был из изрядно поредевшей породы купцов, воинов и рыцарей в одной особе, солью земли, тех, кто всегда платит по счету и не скупится. Когда он смотрел на меня, я вспоминала, что я не только деловая женщина. У него были молодые подружки, по одной на каждый день недели, кроме воскресенья, которое считалось днем Бога, – какие-нибудь продавщицы из парфюмерного или ювелирного отделов шикарного магазина со сверкающими витринами. В пятницу господин Бьяготти посещал игорные заведения Монако, проводя ночь за карточным столом.

Тогда, в ресторане, я убрала руку – тихонько вытащила ее из-под его горячих пальцев, покраснев при этом, как последняя девственница. Он усмехнулся понимающе и сказал, что теперь он вряд ли представляет опасность для молодых дам. Разве что за руку подержится. Но тем не менее спасибо...

Я потом долго думала, пытаюсь понять, почему убрала руку – то ли не хотела, чтобы меня приняли за одну из его подружек, то ли смутилась, решив, что за этим последует попытка сократить дистанцию, то ли мне просто показался неприличным жест господина Бьяготти. Если честно, жест этот не был мне неприятен. Что же тогда? Не знаю. Наверное, инстинкт вечной девственницы, трусливо убегающей от мужчин...

Господин Бьяготти научил меня самой жесткой дисциплине при кажущейся расслабленности. Безупречный костюм, безупречная косметика, приветливая улыбка и всегда дистанция – будь то начальник или клиент. Дистанция или знание своего места – искусство, требующее постоянной работы мысли и чувства собственного достоинства. Одним словом, уважайте себя, и окружающие последуют вашему примеру.

Чтобы окончить академию, я продала квартиру в центре города. Нашу с бабушкой квартиру. Упаковывая в ящики небогатый скарб, я с трудом удерживала слезы. Семь бесконечных лет я провела в ссылке у черта на куличках, в частном секторе Посадовка, известном больше под красноречивым названием «Паскудовка». Все это уже в прошлом. Сейчас у меня трехкомнатная квартира в элитном районе города с видом на парк. В десять утра по воскресеньям в парке включают фонтаны, и я с чувством радости слышу, как начинают взмывать в небо и шумно падать вниз тугие струи воды. Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Впрочем, это я, кажется, уже говорила...

Глава 2

Пикник у озера

Костер горел ярко и ровно. Огненные жгуты свивались в оранжевые ленты, заворачивались в тугие завитки, плясали, как стайка саламандр, и вдруг оглушительно стреляли снопами искр в черное, полное звезд августовское небо. В августе Земля проходит черед звездные кладбища, притягивая погасшие звезды. Они влетают в атмосферу планеты, оставляя за собой короткий огненный росчерк – такой короткий, что никак не успеть загадать желание.

– Звезда упала, – сказала темноволосая молодая женщина, лежавшая на одеяле у костра. – Уже третья.

– Успела что-нибудь загадать? – спросила другая, сидевшая, подтянув колени к груди, упираясь в них подбородком и задумчиво глядя на огонь. Пламя плясало в ее серых выпуклых глазах.

– Успела, – помедлив, ответила темноволосая. – Представляете, тысячи лет назад люди видели эти же звезды. Миллионы светил. И никому не известно, что там. – Она лежала на спине, заложив руки за голову, всматриваясь в ночное небо.

Вокруг стоял лес, и глубокая ночь, уже по-осеннему темная, казалась еще темнее от пламени костра. Она была наполнена живыми звуками лесной жизни – треском веток под чьими-то осторожными шагами, шелестом листьев под мимолетным порывом ветра, возней и вскриками птицы во сне, плеском рыб в Черном озере. Женщины вздрагивали от этих звуков и зябко поводили плечами. Ночь настраивала на философские разговоры о смысле жизни и предназначении. Человека, остающегося один на один с природой, легко испугать. Природа таит в себе скрытую угрозу. Она напоминает мягкого и ласкового зверя, который может выпустить когти, и тогда – берегись!

– Красота, – отозвался один из мужчин, муж темноволосой. Звали его Олег Дударев. – Вот где покой. А мы грызем друг другу глотки... Все нам мало, все чужого хочется! А ведь это грех...

Никто не отозвался. Олег помолчал немного и позвал:

– Кешка, спишь?

Тот, кого он назвал Кешкой, лежал по другую сторону костра, завернувшись в плед, – видимо, дремал. Олег Дударев и Кеша Тюнкин дружили с первого класса школы. Такая дружба делает людей ближе, чем кровное родство. Они вместе постигали мир, пробуя его на вкус и расшибая лбы, влюблялись до смерти, с горящими щеками листали порнографический журнал, купленный у Семы-Акулы в подворотне, списывали контрольные, вырывали страницы с двойками из дневников и тетрадей, курили и сигареты, и травку, подсматривали за девочками через замазанные масляной краской окна в туалете. Дрались, плевали сквозь зубы, рассуждали об отношениях полов, употребляя нарочито грубые и грязные слова, отчаянно врали о какой-то мифической бабе, соседке, которая якобы однажды зазвала к себе... и так далее.

Оба окончили политехнический институт. Сегодня Олег Дударев – управляющий банка «Славянка», Иннокентий Тюнкин – генеральный директор. Они по-прежнему неразлучны. И женились почти в одно время.

– Кешка, спишь? – уже громче повторил Олег. – Жизнь проспий! Посмотри, какая красота! Последние теплые ночи перед долгой зимой. Звезды падают. Смотри! – закричал он, внезапно вскакивая. – Летит! Ух, большая!

– Загадывай желание! – закричала его жена. Ее звали Леной. – Быстрее!

– Чтобы... – он запнулся, лихорадочно соображая. – ...все было хорошо! Упала!

– «Чтобы все было хорошо», – передразнила Лена, снова укладываясь на одеяло. – Тоже мне желание... Быстрее соображать надо! Ритка, а ты успела?

Рита, жена Иннокентия, светловолосая, крупная, задумчивая женщина, пожала плечами и промолчала.

– Конечно, ты в такие глупости не веришь, – сказала Лена, и в тоне ее звучало что-то еще, помимо обычного сарказма. – Ты выше этого.

Рита снова пожала плечами. Она не отличалась разговорчивостью.

Ночь была теплой, тягуче-густой, настоящей на запахах трав, еще не остывших после сухого жаркого дня. От озера тянуло сыростью и чуть тиной.

Четверо у озера, как всякая компания, представляли собой модель общества в миниатюре. Иннокентий был интеллектуалом и мозговым центром, его жена Рита – воплощением стабильности и постоянства, с устойчивыми понятиями о морали, добре и зле. Олег был с детства бронебойным подростком, для которого не существовало ничего невозможного. Он являлся движущей силой предприятия, умел рисковать и с ходу принимать решения. Игрок по натуре, он полагался на удачу больше, чем на расчет. Лена, его вторая жена, по слухам – капризная пустышка и набитая дура. Последнее спорно, ибо, несмотря на легкомыслие, смех без причины, манеры капризного ребенка и всякие смешные словечки, Лена всегда знала, чего хочет. Ее появление внесло напряжение в отношения друзей.

Олег оставил жену и двоих детей, и, разумеется, Рита приняла сторону его брошенной жены Зои, с которой дружила. Раньше они дружили все вместе. Потом Олег влюбился и в один прекрасный момент представил Лену друзьям как невесту. Рита не сказала ни слова, но выражение ее лица говорило красноречивее любых слов. Накануне Зоя, рыдая, пожаловалась ей, что Олег хочет с ней развестись. Рита, как могла, успокаивала подругу, с содроганием думая, что теперь и Кешка, глядя на Олега, может задурить. Ему под сорок – опасный мужской возраст, и хищник вокруг пруд пруди, так и рыщут.

Развод состоялся. Кеша был как бы над событиями. Все попытки Риты добиться от него осуждения друга ни к чему не привели. Он сказал, что это не его дело. Легкость, с которой он «кинул» Зойку, не желая воздействовать на Олега, возмутила Риту и добавила очки к счету к молодой нахалке и хищнице. Какое-то время Рита разрывалась между Зойкой, которую жалела, и необходимостью поддерживать отношения с Олегом, как с деловым партнером мужа. Потом смирилась – а куда денешься? Отступники стали бывать у них в доме. Лена откровенно лебезила и вешалась Рите на шею. Та, как могла, отталкивала ее, но новая жена друга оказалась настырной. Ее ничто не обижало – ни каменное молчание, ни односложные ответы Риты, ни ее откровенное нежелание хотя бы соблюдать законы гостеприимства.

Такой был расклад в компании у Черного озера. Они впервые выехали на природу в новом составе на целых три дня. Даже место оказалось то же самое. Только вместо Зойки была Лена.

– А пошли в лес! – вдруг сказала она. – А то лежим, как старые кочерыжки! – Она перевернулась на живот. – Успеем налегаться!

«Старые кочерыжки» Рита приняла на свой счет и помрачнела.

– Ленка, уймись, – велел Олег, дергая жену за длинную блестящую прядь волос. – Тебе дня мало?

– Пошли! – Лена вскочила на ноги, потянувшись. Короткая маечка полезла вверх, обнажив плоский загорелый живот. Она была хороша – высокая, тонкая, с длинными темными волосами и глазами того редкого оттенка, который напоминает благородный старинный бархат цвета лесного мха с легкой рыжиной. – За мной! – закричала она и побежала через узкую поляну к лесу. Светлая маечка мелькнула и пропала в темноте.

– Ленка, немедленно вернись! – Олег бросился вслед за женой.

– Пошли прогуляемся? – Кеша, отбросив плед, сел, вопросительно глядя на жену.

– Нет, – произнесла Рита, и в ее коротком «нет» звучала непреклонность.
– Пошли! – Кеша потянул жену за руку. – Последняя теплая ночь!
– Отстань! – Рита выдернула руку. – Совсем с ума сошел.
– Ритка, ну чего ты такая злая? – Иннокентий, готовый бежать в лес, медлил, глядя на жену.

Рита не ответила. Иннокентий, постояв еще пару секунд, нарочито медленно, демонстрируя досаду и обиду, пошел в ту сторону, где исчезли друзья.

Звонкое «ау» донеслось из леса, следом раздался радостный визг и хохот Лены.

– Ленка, накажу! – кричал Олег. – Выходи!

– Ау! Ау! Ау! – отвечала она. – Я здесь!

Лес, казалось, ожил, подхватывая их голоса, вторя им, дробя, возвращая искаженными и чужими. Вдруг раздалось совсем рядом протяжное, тоскливое, леденящее кровь «угу-у-у»: ухнул пугач – ночная птица вроде филина. И еще раз «угу-у-у» – глухой, как из преисподней рвущийся звук. После паузы новое «угу-у-у», уже без передышки, снова и снова. Потрясенная птица жаловалась на нарушителей тишины и призывала на помощь Хозяина. Казалось, померкло радостное сияние ночи. Враждебно зашумели верхушки осин. Пламя костра вздрогнуло, оглушительно затрещала горящая ветка и рассыпалась снопом искр.

Рита вздрогнула и оглянулась. Голосов больше не было слышно, только кричал, не желая успокаиваться, пугач. Она не знала, сколько прошло времени – минут десять или больше. Женщина поднялась, сделала несколько неуверенных шагов в сторону леса, обеспокоенно всматриваясь в густой кустарник. «Кеша!» – позвала негромко. Голос, подхваченный эхом, налетел на стену леса и увяз там. Треск веток под чьими-то шагами заставил ее отступить назад к костру. Рита стояла, напряженно всматриваясь в темноту, – ей стало страшно. В следующую секунду она с облегчением увидела мужа.

Почти сразу же появились Олег и Лена. Олег хмурился, Лена сияла.

– Напрасно ты не пошла, – обратилась она к Рите. – Там страшно – у-у-у! – Она приставила пальцы рожками к голове. – Полно вурдалаков и привидений. Темень, хоть глаз выколи. И эта птица воет, как на покойника! – Она помолчала, и вдруг новая мысль пришла в бедовую голову: – А пошли купаться! Вода теплая, черная... и туман!

– И русалки, – буркнула Рита. – Очень заманчиво. Я иду спать.

– А я не хочу спать! – заявила Лена. Была она странно возбуждена. – Олег, Кеша! Ребята, пошли купаться!

Кеша молчал. Рита сложила плед и двинулась к палатке, не оглянувшись на мужа.

– Хватит, – сказал Олег. – Давайте спать. Первый час ночи, скоро рассвет.

И наступила тишина...

В шесть утра раздалась первая оглушительная трель птицы. Затем другая, третья. Лес оживал, наполняясь светом и голосами. От ночных страхов не осталось и следа. Кусты ежевики уже не выглядели враждебно, пугач давно улетел и спрятался в дупле. Зеркальная поверхность озера дымилась розовым туманом, небо на востоке пылало малиной. Капли росы алмазами вспыхивали в темно-зеленой траве. Утро было таким чистым и прекрасным, таким невинным, что невольно слеза наворачивалась.

Иннокентий делал на берегу зарядку. Рита спала еще. Первый луч солнца коснулся поверхности воды, разорвав пелену тумана. Закончив упражнения, Кеша постоял на берегу, глубоко вдыхая холодный утренний воздух. Потом бросился, поднимая фонтан брызг, в темную воду и поплыл кролем на середину озера. Гулкие всплески, усиленные эхом, добавились к щебету птиц.

Из палатки выбрался Олег. Оглядываясь, обошел поляну. Подошел к озеру. Некоторое время наблюдал за пловцом. Вернулся к палатке. Закричал: «Лена!», приставив ладони рупором ко рту. Подошел к палатке друзей. Заглянул, позвал:

– Ритка! Ты спишь? Лена не у вас?

Сонная Рита вылезла наружу, шурясь на утреннее солнце. Иннокентий, свежий и замерзший, выскочил из воды и стал яростно растираться махровым полотенцем, которое предусмотрительно положил на траву.

– Ты Лену не видел? – закричала мужу Рита.

Иннокентий замер, глядя на них.

– Что случилось? – спросил он не сразу.

– Лены нет, – ответила Рита. – Олег везде посмотрел.

– Как нет? – не поверил Иннокентий. – Куда же она делась?

– Олежек, успокойся, – сказала Рита. – Ты же знаешь свою жену... очередной прикол. Вот и вчера Лена всех нас звала... – она осеклась.

Олег дико посмотрел на нее. Подошел Иннокентий с влажными волосами, с кожей, красной от жесткого полотенца.

– Что за глупости... – начал он. – Сейчас найдем! А ты что, совсем ничего не слышал? – обратился он к другу. Олег помотал головой – нет. – Ночью она не могла уйти, – стал рассуждать Иннокентий. – Значит, на рассвете, когда уже рассвело. Поэтому... – он поднял палец, призывая к вниманию, – ... должен остаться след на траве. Вон как дорожки видны!

Он был прав – на траве, сизой от росы, виднелась отчетливая дорожка чьих-то следов.

– Это мои... – объяснил Олег. – Я бегал в лес, думал, она там... прячется. Лена! – закричал он вдруг. – Ленка, хватит! Выходи! Кончай дурить!

– Она уже дома, – вдруг сказала Рита. – Помнишь, как она исчезла в прошлом году? Когда вы поссорились? Ты чуть с ума не сошел, а она просидела три дня на даче. Ты же ее знаешь! – Рита пыталась успокоить Олега.

– Но мы не ссорились, – возразил он. – Я еще долго не спал... То холодно, то шум какой-то мешал...

– Позвони домой, – приказала Рита.

– Ерунда, – влез Иннокентий. – Как бы она добралась до города?

– Попуткой! Отсюда до шоссе рукой подать.

– Что ты несешь! – В голосе Иннокентия звучала непривычная резкость. – Не могла она уйти! Она здесь где-то! Сейчас я оденусь, – он обратился к Олегу: – Пойдем поищем.

Прошел час. Два часа. Три. Ситуация складывалась нелепая и страшноватая. Лена так и не появилась. Мужчины, прочесав лес до самого шоссе, вернулись ни с чем. Олег звонил домой каждые десять-пятнадцать минут. Ему никто так и не ответил. Рита растерянно бродила вокруг палаток.

Они молча стояли на берегу озера. Поверхность его бороздила легкая серебристая рябь. Негромко шелестели пики аира и болотной осоки. Говорить было не о чем.

– Идиотизм, – пробормотал Иннокентий. – Ну не испарилась же она, в конце концов!

Озеро лежало у их ног, безмятежное, спокойное, равнодушное. Не сговариваясь, они пошли в разные стороны, всматриваясь в прибрежные кусты. Ничего. Время уже перевалило за полдень.

Молчаливые, они принялись упаковывать вещи и сворачивать палатки. Олег запихивал в рюкзак вещи Лены. Наткнулся на ее сумочку, раскрыл. Кошелек, косметика, записная книжка, какие-то мелочи – все осталось. Лена исчезла без вещей...

Глава 3

Будни «Global Village»

Из комнаты Стаса Кучинского доносился знакомый, на редкость неприятного тембра бас его приятеля Кирилла Колодко, придурка и бабника. При этом красавчика в духе Ди Каприо, но улучшенной модификации. Высокий, накачанный, с улыбкой и взглядом, перед которым не способна устоять ни одна женщина от шестнадцати до шестидесяти, Кира был любимым дитятей природы, щедро оснащенным для определенных действий, в силу которых род человеческий множится и продолжается. Но, как уже сказано, придурок он был редкий. Однако далеко не дурак. Основной недостаток Киры – недержание речи. Он говорил, что думал, не останавливаясь ни на минуту. Резал слух своим пронзительным голосом, стремясь перекрыть собеседника, и при этом брызгал слюной. Причем молот всякую чушь, доводя окружающих до нервного срыва. Входил в раж и позволял себе грубые выпады, за что бывал бит неоднократно.

Кира работал реализатором хозяйственных товаров в мелкой фирме – всяких консервных ножей, открывалок пивных бутылок, штопоров, мясорубок, кофемолок и электрочайников, зарабатывал копейки, но вполне этим довольствовался. Покупателям он грубил, но тем не менее товар продавал не хуже, а может, даже лучше других. Видимо, опытные покупатели считали – раз хамит, не уговаривает купить, не выкручивает руки – значит, товар так хорош, что не нуждается в рекламе. Жил Кира один в однокомнатной квартире, подаренной отцом. Тот отселил сына, так как Кира терпеть не мог его подругу, с которой сам же отца и познакомил. Когда девушка приходила к ним в гости, то целый вечер, а то и далеко за полночь Кира выяснял с ней отношения, не обращая на отца ни малейшего внимания и откровенно хамя, когда тот пытался вмешаться. Здесь можно сделать вывод о том, что, если бы Кира был нормальным человеком, не видать бы ему квартиры, как собственных ушей. (Это о воздаянии по заслугам!) Квартира его скоро превратилась в притон или секс-стойбище, где постоянно менялись девочки, которых неотесанный Кира называл телками.

Стас, в отличие от приятеля, обитал с родителями, которые всячески портили ему жизнь.

Кира, как уже говорилось, говорил не переставая. Если был один – то сам с собой. Идя по улице, бубнил себе под нос. Заядлый спорщик, всякий предмет спора он доводил, как правило, до абсурда. Он считал, что его окружают одни козлы, дураки и идиоты. Стаса он называл козлом или дураком в зависимости от обстоятельств; отца – просто козлом; покупатели же, прохожие, начальство, коллеги по работе – все были козлами и идиотами. В подъезде, где жил Кира, на стене напротив его квартиры красовалась надпись большими буквами: «Кирка козел!» Стас иногда думал, что это за чем-то написал сам Кира. Колодко же считал, что это сделал или отец, или одна телка, которая не давала ему проходу в прошлом году.

Он собирал марки и переписывался со старым фанатом-филателистом из Англии, для чего довольно прилично освоил английский. Фанат, привыкший иметь дело с приличными людьми, неосторожно выслал Кире редкую марку с королевой Викторией в обмен на обещанные первые советские марки, которые представляли собой старые, царские еще, с надпечаткой «Р.С.Ф.С.Р.», и теперь терпеливо ожидал обещанного, время от времени деликатно напоминая Кире о долге.

- Ничего, – хладнокровно говорил тот, – подождет. Не надо быть таким дураком!
- Ты же обещал! – упрекал Киру зануда Стас.
- Ну и что, – отвечал беспринципный Кира. – Мало ли чего я обещаю!

– Здравсьте, Ксения Валентиновна, – при виде начальницы приятеля Кира приподнял с дивана зад и тут же плюхнулся обратно. – Скажите этому козлу, – непринужденно бухнул он, –

что у него крыша слетит. В инете можно снять классных телок с фотками, а он кочевряжится. Стас имеет право на законный перерыв. Я тут адрес нарыл. А этот дурак типа вас боится. Я говорю, Ксения Валентиновна классная баба, чего ты, козел! А он говорит, ты еще ее не знаешь. И хата есть, самое главное!

Стас сидел, уставившись на экран, багровый от смущения, с раскаленными малиновыми ушами, и время от времени издавал хрюкающий звук.

– Подожди, Кира, – остановила я этот поток сознания, – Стас должен сделать для меня работу.

– Я все сделал, Ксения Валентиновна, – выдавил из себя Кучинский. – Даже добавил кое-что. Хотите, можно посмотреть здесь, а можно у вас. Номер шесть и семь в меню. Открывает вид на новостройки... Интерьеры, детали отделки, балконы, лоджии.

– Спасибо, Стас! – Я потрепала его по плечу – непозволительная вольность, конечно, но уж очень он смутился. – Я посмотрю у себя. До свидания, Кира.

– Вы уже уходите? – огорчился тот. – У вас красивые ноги, Ксения Валентиновна! Хорошо, что вы не носите брюк, терпеть не могу баб в брюках! А хотите с нами вечером в «Сову»? Сегодня прикольная программа. У меня там знакомый мэн, пропустит на халяву. Пошли, а?

Я с трудом удержала улыбку. Комплимент, однако. Прошла через общую комнату, где сидели две бледные поганки, чувствуя на себе их ненавидящие взгляды. Лидер – высокая девица с белыми длинными волосами, жесткая и неприветливая Оля – демонстративно искала что-то в ящике стола. Я задержалась у своего кабинета, помедлила и сказала:

– Оля, зайдите ко мне.

Она неохотно поднялась и пошла к двери, виляя задом. Вторая, Динка, проводила ее сочувственным взглядом.

– Садитесь. – Я старалась не смотреть на Олю. У девушки был крупный подвижный рот, щедро намазанный вишневой помадой. Он странно и неприятно выделялся на неярком лице, вызывая желание, почти болезненное, рассмотреть его поближе. Длинные белые колючие волосы лежали на плечах. Символический топ на бретельках открывал плечи и голый живот с ямкой пупка, тесные розовые брюки обтягивали мощные ляжки. Профессия шлюхи написана у нее на лбу. Дрянная девица. Чувствуя интерес хозяина, Оля хамски вела себя, работать не желала. Она была из тех молодых хищниц, что знают лишь один способ привязать к себе мужчину – постель. И, как многие до нее, рассчитывала на босса, зная, что у того жена на двенадцать лет его старше. Дамские журналы набиты историями о золушках, сумевших найти свое счастье, да только где ж напасть на принцев? Роман потерял к ней всякий интерес, и теперь началась моя партия. Сейчас я скажу ей, что, к сожалению, в фирме предстоят сокращения... С удовольствием скажу. Так и вмажу!

Оля опустила на стул. Провела кончиком языка по верхней губе. Сложила руки на коленях. На меня она не смотрела, нарочито равнодушно уставилась в окно. Демонстрировала характер, догадываясь, зачем ее позвали. Я в упор рассматривала девушку – несуразный рот, выдвинутая вперед нижняя челюсть, лиловые веки. Чувство мгновенной мстительной радости вспыхнуло и тут же погасло. На лбу жертвы выступили мелкие бисеринки пота. Я вдруг подумала, что не знаю о девушке ничего. Кроме того, что деньги та, видимо, привыкла зарабатывать в постели. Сколько ей? Двадцать пять, больше? Ни профессии, ни видов на будущее. Работать не привыкла, ждет выигрыша, заглядывая в глаза проходящим мужчинам. Месяц «училась» – молча, со скучающим видом сопровождала бабу Броню, потом печатала всякие бумажки, сидела на телефоне или в Интернете. Бегала по первому зову к Роману в кабинет, уверенная, что обеспечивает себе будущее. Роман производил впечатление избалованного и не особенно умного тьюфака, и каждая новая подружка считала, что с легкостью приберет его к рукам. На самом деле наш шеф прагматик до мозга костей, и сентиментальности в нем не больше, чем в

кухонной табуретке. Через месяц-другой очередная девица ему приедается, и песенка ее спета. Я, как королевский палач, привожу приговор в исполнение, не испытывая ни малейшей жалости к павшей фаворитке, а только досаду на шефа.

Передо мной сидела такая очередная: вульгарная, дешево одетая и сильно накрашенная молодая женщина, чья жизненная позиция уже наложила отпечаток на ее внешность. Мне вдруг пришла в голову странная мысль, что между Романом и этими девушками есть много общего. И тот и другие продаются, но Роману повезло больше. Он сумел продать себя по хорошей цене...

Я продолжала рассматривать Олю, и та, чувствуя взгляд ненавистной начальницы, стала медленно багроветь. Но по-прежнему смотрела в окно.

– Где вы живете? – спросила я вдруг неожиданно для себя.

– На Вокзальной, – ответила она, не глядя на меня.

– Это далеко отсюда?

– Сорок минут троллейбусом.

Я напряженно раздумывала, уставившись в бумаги на столе. Да что это со мной?

– Жаль, что вы не водите машину.

Если Оля и удивилась странному заявлению, то ничем этого не выказала. Помолчала, видимо, обдумывая услышанное, потом сказала, недоверчиво вглядываясь в мое лицо:

– У меня есть права. У нас в школе был кружок вождения. – Подумав немного, добавила: – У моего жениха машина...

– В таком случае... – Я замолчала, все еще колеблясь. Наконец решила: – Возьмете машину, серый «Шевроле», съездите домой и переоденетесь. Уберите краску с лица и бижутерию. Скромный костюм, гладкая прическа, туфли... – Хотела добавить: «...поприличнее», но удержалась. – В три у меня назначена встреча с клиентом из Финляндии, поедете вместо меня. Покажете ему три квартиры в центре, я дам адреса. Хозяева будут ждать. И складское помещение под фабрику за городом. Он собирается открыть у нас мебельную фабрику, вернее, сборочный цех. Человек небедный, с серьезными намерениями. Не вздумайте упустить. Ну и... и... – Я снова запнулась, подбирая слова. – ...держите дистанцию. Вам понятно?

Девушка кивнула. У нее сделалось странное выражение лица – мне показалось, что она сейчас расплывается.

– Если вы сумеете... заключить сделку, я возьму вас в штат. – Слова вырвались у меня нечаянно, и я тут же пожалела о них – кто за язык тянул? Никаких обещаний. – В нашем деле очень важно умение аргументировать. Помните уроки бабы Брони? Расскажите клиенту, почему именно эта квартира ему подходит больше других, где будет парковка для его машины, где супермаркет. Упомяните, что это один из самых безопасных районов города – рядом отделение полиции или банк с охраной. Понятно? Вы город хорошо знаете?

Оля кивнула.

– Говорите с ним доверительным тоном. Расспросите о семье, но вскользь, пусть он... расслабится и почувствует себя так, будто вы давно знакомы. Но никаких... – Я снова запнулась, не сумев подобрать нужное слово.

– Я поняла, – сказала Оля, поднимаясь со стула. – Не беспокойтесь, Ксения Валентиновна. В койку тащить клиента не буду, честное слово. Даже за зеленое бабло. Давайте ключи!

Я потянулась за сумочкой, достала ключи на голубом брелоке с Эйфелевой башней, протянула девушке. Видимо, Оля прочла что-то в моем лице. Она осторожно взяла связку и сказала, впервые заглянув мне в глаза:

– Я все сделаю как надо, Ксения Валентиновна, не волнуйтесь. Не маленькая! Спасибо вам.

Крутнувшись на каблуках, она бросилась к двери, словно боялась, что я могу передумать. Она так торопилась, что споткнулась уже у самой двери, но не остановилась. Взмахнув руками, преодолела последних пару шагов и исчезла.

Оставшись одна, я некоторое время пребывала под впечатлением своего необычного поступка. Скажи мне кто-нибудь еще полчаса назад, что я могу совершить подобное, я бы только рассмеялась. Что же произошло? Я не знаю. Я не считаю себя способной на жалость или мягкость. Наоборот, я уверена, что обладаю характером твердым, даже жестким. В наше время иначе не выжить, особенно одиноким женщинам, у которых нет богатого мужа или покровителя. Когда-то Роман протянул ко мне свои липкие лапы, и я залепила ему пощечину. Он не столько обиделся, сколько удивился. Только и сказал: «Ну ты, мать, даешь! Я ж тебе хозяин все-таки». Но рук больше не распускал. Мне, пожалуй, нравилась живучесть хозяина – Роман Руденок катился по жизни, как мячик. Никогда не терял формы. Протягивал руку и брал что хотел, а если не получалось взять именно это, тянул руку к чему-нибудь другому. Не мстил, не дулся, не смотрел волком. В нем, казалось, не было ни капли отравляющего всем жизнь мужского самолюбия. Равнодушие его и некоторая вялость принимались окружающими за добродушие и мягкость, и он слыл хорошим, но слабым по женской части парнем. Хотя почему «но»? А кто, имеющий возможности, не бабник? «Я вас умоляю!» – как говорит баба Броня.

Я посмотрела на часы. До встречи со Стеллой оставалось минут сорок. Мне вдруг пришло в голову – и я приняла эту мысль с облегчением, – что странное происшествие с Олей объясняется моим предстоящим свиданием с приятельницей. Я успела соскучиться – мы не виделись уже несколько дней, – кроме того, голос Стеллы, настаивающий на встрече именно сегодня, звучал так необычно, что я предпочла ее Густаву... И вот, пожалуйста! Баба Броня в «поле», никого другого под рукой не оказалось. Оля неглупая девушка, но... Посмотрим.

Глава 4

О странностях любви

Стелла Ганина тоже деловая женщина. И значит, обречена на вечную девственность. Трезвая и предприимчивая, Стелла примерно раз в год или полтора «ударяется в загул». Это значит, что появляется наконец тот единственный, подходящий по всем статьям. Умен, хорош собой, прекрасный любовник и, что редкость по нашим временам, джентльмен. Я уверена, что мужчин, обладающих подобными качествами, в природе практически не осталось, а Стелла, устав от одиночества, смотрит на мир сквозь розовые очки. К сожалению, я права. Джентльмен, умница и рыцарь на поверку всегда оказывался альфонсом и рыбой-прилипалой, и Стелле стоит больших трудов впоследствии от него избавиться.

В такие моменты я удивляюсь тому «размазанному» состоянию, в которое впадает деловая женщина Стелла. Она плачет, жалуется на судьбу и обвиняет себя в том, что невезучая. По закону компенсации, а в законах Стелла разбирается хорошо, так как она юрист и представляет на сделках «Global Village», среди многих плюсов, которыми одарила ее судьба, имелся лишь один, но весомый минус – отношения с противоположным полом. Стелле – умнице, красавице, богатой и предприимчивой деловой женщине – не везло с мужчинами.

Мне иногда кажется, что в ней больше мужских качеств (или тех, которые считаются традиционно мужскими), чем женских. Если бы она была дурой набитой или хотя бы делала вид, что дура, капризничала, строила глазки, надувала губы, умело лавировала между «дам – не дам», одним словом, обладала «сундуком с хитростями» прабабки Евы, то... тогда это была бы не Стелла. Она шла по жизни с открытым забралом и влюблялась безоглядно, страстно, на всю жизнь.

Одна поэтесса сказала, обращаясь к мужчинам: «Меж вашей пылкостью и скукой лишь та уверенно пройдет, в ком нет любви, а лишь расчет в союзе с Евиной наукой. А тем, кто любит вас, увы, любовь всегда ломает крылья!» Прекрасные стихи, хотя и написаны в четырнадцатом веке совсем молоденькой девушкой, которая вскоре ушла в монастырь. Что неудивительно – тот, кто в раннем возрасте так пронзительно чувствует несовершенство мира, умирает молодым или уходит в монастырь. Удивительно другое – несмотря на социальный прогресс, женскую эмансипацию, технологическую и сексуальную революции, Интернет, стихи, написанные около пятисот лет назад, до сих звучат вполне актуально.

По голосу Стеллы я поняла, что у нее случилась новая любовь до гроба, чем необходимо срочно поделиться со мной. Выговориться нужно. Рассказать, какой «он» необыкновенный, замечательный и, разумеется, не такой, как все. Я только диву давалась, как холодная и расчетливая Стелла теряет голову, встретив очередного избранника. Избранники ее, как правило, принадлежали к одному и тому же типу – некрупные бесцветные блондины с интеллигентными, изрядно потрепанными жизнью и обстоятельствами физиономиями, часто пьющие. Главное достоинство этих мужчин заключалось в том, что они умели красиво говорить, особенно после рюмки-другой.

В Глеба Чулкова Стелла влюбилась, когда услышала из его уст фразу: «Немыслимо дурацкая ситуация, безумие какое-то, я просто теряюсь, и, если вы мне не поможете, я, честное слово, брошусь с балкона». Он пришел в ее юридическую фирму за советом – что-то не поделил с соседом, и «этот жлоб» его буквально преследовал. Потом оказалось, что живет Чулков на первом этаже и бросаться с лоджии может хоть десять раз на дню без всякого для себя ущерба.

– Он такой беспомощный, такой тонкий, такой неприспособленный, – сияя глазами, рассказывала Стелла. – Интеллигент до мозга костей, вымирающая порода. Не женат. Говорит,

что робеет перед современными женщинами, которые курят, пьют и ругаются матом... Представляешь? Мне кажется, он пропадет без меня.

Я подумала тогда, что если Чулков не погиб до сих пор, то вряд ли жизни его угрожает серьезная опасность в дальнейшем, но промолчала, дивясь про себя иррациональности подруги.

Чулков ухаживал очень красиво – цветы, театр, целование рук и никаких поползновений на женские честь и достоинство. Однажды Глеб попросил у Стеллы денег взаймы, сказав при этом, что на свете существует лишь один человек, от которого он может принять помощь. Стелла, польщенная его доверием, дала. Дела у него шли все хуже – друг, которому он доверил все, что у него имелось, и даже одолжил на стороне крупную сумму под большие проценты, внезапно исчез, не вернув долг. Возможно, его убили бандиты-кредиторы. И теперь жизни Чулкова угрожает опасность, если он не вернет деньги...

Стелла, помогающая людям дельными юридическими советами, оказалась беспомощной перед проходимцем Чулковым. Любовь застила ей глаза. Она бросала деньги в Чулкова, как в бездонную бочку. Потом выяснилось, что он игрок, проводящий все свободное время в казино за картежным столом. Женщины Чулкова не волновали, чем и объяснялась его неправдоподобная деликатность в вопросах секса.

Потом был Артур Кременецкий, местный поэт. Тоже необыкновенный. Потасканный блондин с лживо-мечтательными глазами и хорошо подвешенным языком. Человек горькой судьбы, влачащий жизнь в одиночестве. Правда, с собакой – белым с черными пятнами далматинским догом по имени Принц, подаренным ему женщиной, которая его любила... Дойдя до этого места в своей биографии, Артур многозначительно замолкал. Предполагалось, что женщина, любившая его, таинственно и трагически исчезла из его жизни, а возможно, из жизни вообще.

Когда-то Артур выпустил тонкую книжку стихов, довольно слабых и каких-то вторичных. У читателя создавалось впечатление, что это он уже где-то читал, причем не раз. Стелла помогла ему со второй книжкой. Окрыленный успехом, Артур немедленно приступил к написанию третьей. Он все реже встречался со Стеллой, объясняя это участившимися приливами вдохновения.

– Я работаю как проклятый, – говорил Артур томно. – Особенно по ночам, когда тьма опускается на мир, скрывая его несовершенство.

Потом появилась жуткая баба, оказавшаяся ревливой подругой поэта, она учинила Стелле скандал, визгливо выкрикивая разные глупости и при этом называя поэта «эта сволочь Колька». Имя «Артур» оказалось литературным псевдонимом. По ее словам, Колька альфонс и трутень, единственной обязанностью которого было выгуливать драгоценного далматинца. Позавчера Колька дога потерял, что переполнило чашу терпения женщины, и она решила расставить точки над «i». Она почему-то решила, что Принц потерялся из-за Стеллы, стервы, отбивающей чужих мужиков, в которых вложено немерено денег и сил. Якобы сволочь Колька сидел у Стеллы, а дога оставил на улице, и его увели.

Стелле пришлось заплатить за собаку, равно как и за третий поэтический сборник, так как типография уже запустила книжку в производство.

И так далее, и тому подобное. Судьба? Наверное, судьба.

Последние полгода Стелла пребывала в миноре, расставшись с пианистом филармонии, трепетным и хрупким молодым человеком недокормленного вида. Сожительница под горячую руку выбросила его на улицу, и пианисту грозила смерть от холода – дело было зимой. Он пришел к Стелле по чьему-то наущению узнать, не имеет ли он права на угол в квартире сожительницы. Рассказал свою печальную историю. Этого молодого человека нельзя назвать жуликом или альфонсом. Во всяком случае, осознанным альфонсом. Он был не от мира сего, а от мира

музыки. В тоскливых глазах его навечно застыли испуг и одиночество. Он, в отличие от других, оказался немногословен. Создавалось впечатление, что мыслит он музыкальными фразами, которые переводит на человеческий язык, снисходя до общения с окружающим миром.

Стелла немедленно бросилась устраивать его судьбу. Определила к знакомым, которые сдавали комнату, живописала его бедственное положение. Она спасла пианиста от смерти в сугробе, но начались проблемы, которые трудно было предусмотреть заранее. Хозяева квартиры, приятнейшая пожилая чета, чьи дети давно выпорхнули из гнезда, прониклись бедственным положением талантливого молодого человека и приняли живейшее участие в его судьбе. Желание стать путеводной звездой для ближнего – недуг довольно распространенный.

Они звали его к столу, заставляли кушать побольше, потому что он такой худенький, кожа да кости. Просили поиграть на пианино, желая приободрить. Причем с третьего такта хозяин засыпал и начинал храпеть – таково было воздействие на него музыки. А хозяйка просила сыграть свое любимое – «Миллион алых роз» – и при этом подпевала. Она бесконечно расспрашивала музыканта о жизни и заходила без стука, по-домашнему, в его комнату то с чаем, то с куском пирога. Через неделю молодой человек сошел с ума и бросил на пол чашку с молоком, которое хозяйка принесла ему на ночь. При этом он кричал: «Вон! Подите вон! Я вас ненавижу!», топал ногами, размахивал руками и в конце концов разрыдался.

– Стеллочка, мы вам очень обязаны... – Женщина на другой день позвонила ей и сказала, что жилец сбежал. – Но поймите меня правильно! Ваш знакомый какой-то асоциальный тип, злобный, невоспитанный, неблагодарный. Мы к нему со всей душой, а он... Да он просто зверь!

Молодой человек шарахнулся от Стеллы, как от чумной, когда она пришла к нему через два дня, с трудом его разыскав. Он временно жил в реквизиторской комнате филармонии, спал на скамейке.

– Ни за что, – прошептал он. – Ни за что... лучше умереть! Эти люди меня преследовали и ночью и днем... Ужас! – Он закрыл лицо руками.

Взять деньги пианист наотрез отказался. К счастью, его подруга-арфистка, дама лет на двадцать старше, одумалась, сменила гнев на милость и позвала его обратно.

Вчера вечером Стелла позвонила мне и предложила встретиться. По ее взволнованному голосу я поняла, что пианист забыт и в жизни приятельницы началась новая счастливая полоса.

Я не торопясь шла в кафе «Знаки Зодиака», где мы обычно встречались со Стеллой. В нескольких шагах впереди двигалась любопытная пара – мальчик лет трех и длинный молодой человек с пустым рюкзаком за плечами. Малыш в желтом костюмчике и белой панамке, перепопсанный мягкой кожаной сбруей, упирался ладошками и лбом в собственную коляску и, пытаясь, толкал ее вперед. Папа держал сына на кожаном поводке, прикрепленном к сбруе, и задумчиво шагал рядом. Оба молчали. Малышу было не до разговоров, а папа не понукал его и не торопил. Я с удовольствием рассматривала эту компанию, и мне вдруг пришла в голову мысль, что мужчины – более успешные воспитатели, и если у меня когда-нибудь родится сын, то его воспитанием займется отец... вот как этот длинный спокойный парень. И будут они неторопливо шагать в магазин за продуктами, которые я укажу им в списке. Сын, самостоятельный мужичок в белой панамке, будет толкать свою коляску...

Я вздохнула. Мечты, мечты... Полюбовавшись на колоритную парочку в последний раз, я вошла в кафе.

...Мы сидели в углу зала, где было сумрачно и тихо. Цены здесь кусались, посетителей почти не наблюдалось. Тихо звучала легкая инструментальная музыка. Некоторое время мы

рассматривали друг друга. Стелла смотрела на меня радостными сияющими глазами. Я убедилась, что она опять влюблена.

– Ксень, – начала Стелла, отпивая вино из своей рюмки. – Ксень, я встретила человека...

Сказать, что Стелла красавица, значит не сказать ничего или сказать очень мало. Стелла ослепительна! Нервное, тонкое, стремительное создание, она неслась по жизни, и всякое ее действие было полно блеска. Кровь ее представляла собой сложный коктейль, в котором смешались горячий юг и рассудительный север. От прабабок молдавских кровей она унаследовала смуглую кожу, дробность сложения и тонкие черты лица, которыми славится латинская раса. Богатые, цвета воронова крыла, волосы она скручивала в небрежный узел на затылке. В маленьких ушах посверкивали рубины, бросая теплые красные лучики на смуглые щеки. У нее был трезвый ум и сильный характер – качества, изменяющие ей в периоды влюбленности.

Она смотрела на меня своими прекрасными карими глазами, и невооруженным глазом было видно, что в душе ее звучит музыка.

– Это замечательный человек! Правда! – вскрикнула она, заметив скепсис на моем лице. – Правда! Честное слово. Настоящий мужик, сильный, самостоятельный...

Сильный? Самостоятельный? Это что-то новое.

– Разумеется, джентльмен, – не удержалась я от сарказма.

Стелла задумалась на секунду и сказала:

– Нет, не джентльмен. Но это не имеет никакого значения.

Это значило, что рук он ей не целовал и комплиментов не говорил. Цветов, видимо, тоже не дарил. Что же тогда случилось?

А вот что. С соседкой произошел сердечный припадок. Она смогла дозвониться до Стеллы, так как номер «Скорой» был все время занят. Стелле повезло больше, и приехал врач... Разумеется, блондин, разумеется, бесцветный – неприветливый тип в несвежем халате, с трехдневной щетиной на серых мятых щеках. «Вы дочь?» – спросил врач и та-ак посмотрел на Стеллу... Она сумела лишь помотать головой в ответ. Врач посидел некоторое время молча с закрытыми глазами и, кажется, уснул. Все это происходило в четыре утра. Стелла догадалась предложить ему кофе. «Давайте! – оживился он. – Покрепче и без сахара. А можно...» – он замялся и потер щеку, издавшую при этом скрежещущий звук. Выразительно взглянул на нее.

– И тут я поняла, что он голодный, – Стелла запустила пальцы в волосы, что делала обычно в минуты волнений.

Она накормила его и сестричку. Врач глотал бутерброды, как удав, не жуя. Стелла сидела напротив и не сводила с него глаз. Потом он утерся рукой, хотя она подала салфетки. У нее создалось впечатление, что он сделал это нарочно.

Уходя, врач сказал: «Премного вам благодарны», – и низко поклонился.

Стелла рассказывала о замечательной встрече, в голосе ее звучали низкие вибрирующие виолончельные интонации, а в моем сознании рисовался образ неприятного, мятого, небритого типа с извращенным чувством юмора. Пьющего неразведенный спирт, скорее всего. Судьба, что и требовалось доказать. Никуда не денешься. Снова большая любовь, и снова не к тому персонажу.

Стелла жаждала расспросов – влюбленные эгоистичны и без конца готовы говорить о своей любви, и я с трудом выдавила:

– Как его зовут?

– Владимир Иванович Лапин, – ответила Стелла, вспыхивая от звука имени любимого человека.

– Почему он работает на «Скорой»? Обычно туда идут интерны. Он что, сразу после института? – В моем вопросе невольно прозвучали прокурорские нотки, и Стелла бросилась на защиту Владимира Ивановича.

– Ему так удобнее! Так получилось!

– Что удобнее? – удивилась я.

– Ночные дежурства. Ему нужно работать ночью, чтобы днем быть дома. У него жена больна.

– Жена больна? А что с ней? – Я уже нарисовала себе образ спившегося горемыки в несвежем халате, бьющего на жалость влюбленной дурехи.

– Не знаю, – ответила Стелла. В ее глазах доктор Лапин выглядел героем и мучеником. – Какая разница?

– Он сам тебе рассказал про жену?

– Про жену мне рассказала сестричка, которая приезжала с ним. Я с ней... познакомилась, – добавила Стелла, поймав мой взгляд.

Предприимчивая подруга поймала сестричку за рукав, когда бригада «Скорой помощи» уже уходила, и попросила заехать на другой день померить соседке давление и вообще... Когда та пришла, напоила ее чаем и расспросила о докторе. Лапин был в свое время прекрасным специалистом, светилом, можно сказать, и заведовал урологическим отделением второй городской больницы. Но три года тому назад случилась неприятность – со склада отделения исчезли препараты, содержащие наркотические вещества, ну и вот... Под суд Лапина отдавать не стали, но из больницы пришлось уйти. Никуда, кроме «Скорой помощи», его не взяли...

– А жена? – спросила я. Доктор Лапин нравился мне все меньше. Не только пьяница, но еще и наркоман. Если бы его отдали под суд, он получил бы срок. И Стелла, опытный юрист, попала на эту наживку?

– Жена больна... Я думаю, он продавал наркотики, чтобы обеспечить ей уход.

Я едва не задохнулась от возмущения. Ну можно ли так попадаться? Уважаемый врач, крадущий наркотики, чтобы помочь больной жене... Развенчанный, выброшенный из общества, влачащий жалкую жизнь, делая подпольные аборты дешевым шлюхам... Ну прямо бразилское мыло – «Бедный доктор Альфонсо»!

– Он тебе понравится! – Безмерна вера влюбленных, что окружающие разделят их восторги. – Он... – Стелла подняла глаза к потолку и сжала кулаки. – Он не такой, как другие!

– Разумеется, не такой. Все они разные, а результат один, – собиралась хладнокровно заметить я, но вовремя прикусила язык. Бесполезно! Доктор Лапин – очередное психическое расстройство, которым Стелле нужно переболеть. Правда, этот, судя по описанию, будет покруче картежника Глеба Чулкова и поэта Артура Кременецкого. Равнодушие мужчины к своему внешнему виду, небритость и неряшливость часто говорят о сильном характере и презрении к мнению окружающих. Я представила себе небритого Лапина, глотающего бутерброды в четыре утра, и содрогнулась.

На лице Стеллы застыло мечтательное выражение, и я вдруг ощутила укол зависти – я не умею отдаваться чувству так безоглядно. Я пережила несколько влюбленностей, от которых не осталось даже пепла, и помнила, что и в разгар отношений никогда не заблуждалась в оценке любовника – он не казался мне ни другим, ни лучшим из всех, и я прекрасно сознавала, что не пожертвую ради него ни работой, ни свободой. С одним из них я без сожалений рассталась после его препирательств с таксистом из-за нескольких рублей – у того не оказалось сдачи. Выражение лица у моего рыцаря при этом сделалось брюзгливо-высокомерным. Ему не было жалко денег, просто всякий сверчок должен знать свой шесток. Обслуживающий персонал должен знать свое место!

С другим – после того, как он позвонил жене и сказал, что у него деловое свидание. Мы в это время лежали в постели. Звонить при мне не было никакой необходимости, но он считал, что это такой прикол и юмор. Он еще и подмигнул при этом. Я помню, как передернулась. Меня мало волновала полумифическая жена, но смеяться над ней при мне, любовнице, я сочла неприличным.

И ни разу в жизни я не испытала безудержного и восторженного чувства, равного по накалу чувству Стеллы. Не дала мне природа подобного, а только умеренный интерес.

– А его жена? – снова спросила я.

Стелла пожала плечами. Кто думает о таких мелочах, когда любовь?

– Но если его жена... нездорова, как он может встречаться с тобой? – настаивала я. Дурацкий аргумент – из тех, что приводят, когда сказать больше нечего.

– Во-первых, мы не встречаемся... – Стелла вздохнула и задумалась. – Кстати, мне нужна твоя помощь.

– Ключ от квартиры? – ехидно спросила я.

– Нет, – серьезно ответила Стелла. – Я хочу, чтобы ты с ним поговорила.

– Я? Поговорила? – изумилась я странной просьбе. – О чем?

– Обо мне!

– Почему ты не можешь это сделать сама?

– Он не хочет со мной разговаривать... – Стелла сникла, глаза погасли. Казалось, она сейчас расплачется.

– Как это, не хочет? – не поняла я.

– Очень просто. Не хочет, и все!

– Откуда ты знаешь? Ты что, пыталась?

– Я позвонила ему... Напомнила, кто я...

– И что?

– И ничего. Он спросил: «Ну?» Я сказала, что хочу с ним встретиться. Он спросил: «Зачем?» Я ответила: «Поговорить». Он заявил: «Говорите сейчас и побыстрее, у меня мало времени». А я, как идиотка, молчу, все мысли растеряла...

– Он так сказал? Твой доктор Лапин просто хам! – возмутилась я.

– Хам, – подтвердила Стелла. – А может, мне и нужен хам! Представляешь, он даже не спросил мой номер телефона...

– Ты сошла с ума! Грубый, небритый тип, которого выгнали с работы! Зачем он тебе? Скажи спасибо, что у него не было времени. Забудь!

– Ты ничего не понимаешь! Я ему не нужна! – Глаза Стеллы снова засияли. – Я ему не нужна, понимаешь?

– Это тебя радует?

– Да! Ты же знаешь, сколько вокруг липучих мужиков! И всем нужно одно!

– Деньги? – не удержалась я.

– В том числе. А этому – ничего!

– Я бы сказала, что это к лучшему. Считаю, тебе повезло.

– Поговоришь? – Стелла пропустила мимо ушей мои слова.

– Нет! И не подумаю!

– Пожалуйста!

– Нет, нет и нет! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

– Ксения, ты единственный человек, которого я могу просить... Ты себе не представляешь... Пожалуйста! – Стелла смотрела на меня умоляющими глазами, сверкнули близкие слезы. – Пожалуйста! – Она положила свою маленькую смуглую ладонь на мою руку.

– Ты хоть понимаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет? Такие дела решаются без посредников, – произнесла я брюзгливым, как мне показалось, тоном, сдаваясь. – Что я должна ему сказать?

Справедливости ради нужно заметить, что крошечный росток любопытства уже проклеивался у меня где-то внутри. Судя по рассказу Стеллы, в докторе Лапине нет ничего, что могло бы привлечь женщину, – ни внешности, ни манер, ни шарма, но ведь привлек! Чем же?

– Ты согласна? – обрадовалась Стелла. – Спасибо!

– Я еще не решила, – отступила я, ругая себя за бесхребетность. – Ты ставишь меня в дурацкое положение. Ты хоть понимаешь это?

– Спасибо! Завтра, ладно?

– Не могу! – твердо ответила я. – Мне нужно подготовиться.

– Тогда послезавтра. Встретишь его после дежурства, в восемь утра. Вот адрес. – Она протянула мне листок из блокнота.

Я рассмеялась, сдаваясь. Взяла листок. Стелла хорошо подготовилась – видимо, не только звонила доктору Лапину по телефону, но и подстерегала его на улице после дежурства. Злого, уставшего и голодного... Небритого, в мятном халате.

Словно подслушав мои мысли, Стелла сказала:

– Я к нему не подходила, просто смотрела издали. Он возвращается домой пешком.

– И во второй раз он понравился тебе еще больше? – не удержалась я.

– Да! – воскликнула Стелла. – Еще больше!

– И что ему сказать?

– Что ты моя подруга, – подумав, ответила Стелла. – Что знаешь меня сто лет... Что я хороший человек... Ну, не знаю. Придумай что-нибудь!

– Ну уж нет! Давай тезисы, а то не пойду!

– Все зависит от обстоятельств, – осторожно сказала Стелла.

– Ты думаешь, он может броситься на меня?

– Вряд ли... Спроси, почему он не хочет со мной встретиться?

– Мне это все не нравится, – пробурчала я, окончательно уступая. – Дурацкая затея.

Глава 5

О странностях любви (окончание)

Высокий человек, неслышно ступая, подошел к нашему столику. Мы, не заметив его, продолжали обсуждать предстоящую встречу с доктором Лапиным. Я, внезапно увидев незнакомца совсем рядом, издала слабое «ах». Стелла подняла голову.

– Добрый день, – произнес незнакомец. – Я, кажется, появился очень внезапно и всех напугал. Стелла, не видел вас целую вечность!

– Привет, – ответила она без особой радости. – У меня все хорошо. Это моя подруга Ксения. Ксюш, это мой старинный знакомый Александр Урбан.

– Очень приятно, – он задержал мою руку в своей и заглянул мне в глаза.

Это был мужчина лет сорока, высокий, с резкими чертами лица. Глубоко посаженные темные серые глаза могли бы принадлежать великому инквизитору или христианскому мученику. Жесткие складки от крыльев носа к углам узкого рта говорили о воле и упрямстве. Лицо значительное и незаурядное, по-своему красивое.

– Я всегда был уверен, – сказал он, неохотно выпуская мою руку, – что у красивых женщин некрасивые подруги. Теперь я понял, что это не так. Ваша подруга, Стелла, не только красива, но и умна. К сожалению, она слишком большое значение придает карьере.

Я, к своему неудовольствию, покраснела.

– Присоединяйтесь к нам, – предложила Стелла после паузы.

– Если вы закончили разговор о любви, с удовольствием, – ответил Александр, выдвигая свободный стул.

– Если вы не прекратите читать мысли, я перестану с вами разговаривать и немедленно уйду, – сказала я.

– Мысли знакомых и друзей я не читаю. Чтением мыслей я занимаюсь только со сцены и за деньги. Так что оставайтесь, я не опасен.

– Как спящий питон... Александр – экстрасенс. – Стелла повернулась ко мне. – Он предсказывает судьбу, читает по ладони и гадает на кофейной гуще.

– А еще он превращает злых особ женского пола в черных кошек и зеленых ящериц, – произнес Александр ей в тон. – Ксения, не бойтесь меня. Скажите, что не верите во всю эту чушь, и давайте знакомиться дальше. Вы кто? – У него была подкупающая манера держаться и приятная улыбка. – Впрочем, не говорите. Я попробую угадать... – Он сжал губы в тонкую линию, свел брови и уставился мне в глаза. – Вы имеете дело с людьми... – начал он. – Сфера обслуживания... Бизнес? Адвокатура? Торговля? Нет... – Он взял мою руку, несильно сжал. Ладонь у него была горячая. Закрыв на секунду глаза, потом открыл, некоторое время, задрав голову, внимательно рассматривал потолок. Снова заглянул мне в глаза. – Продажа недвижимости! – сказал торжественно. – Правильно?

– Откуда вы... Откуда вы знаете? – пролепетала я. – Вы что, действительно... читаете мысли?

– Иногда. Но не сейчас. Я просто задал себе вопрос, кем может работать женщина... молодая, красивая, строго одетая, с прекрасно поставленным голосом и умением выражать мысли четко и сжато... без маникюра...

– Особенно без маникюра... – пробормотала Стелла.

– ... и решил, что это может быть ресторанный бизнес. Но для ресторанного бизнеса вам, пожалуй, не хватает красок. Люди из этой сферы любят яркую одежду и много золота. Красный лак на ногтях. Для интеллектуальной сферы вы слишком дорого одеты. Банк? У сотруд-

ников банка бухгалтерская внешность – они насторожены, недоверчивы и подсознательно все время прикидывают, глядя вокруг, что сколько стоит. – Он помолчал немного и произнес: – Пожалуй, недвижимость. Горячо! Привычка повелевать уже проступает на вашем лице. Генеральный директор! Генеральный директор крупной фирмы по продаже недвижимости... что-нибудь вроде «Глобал виллидж». – Он замолчал, глядя на меня исподлобья выжидающе.

Зачарованная, я перевела взгляд на Стеллу. Та пожала плечами.

– Но как вы... – Я недоверчиво смотрела на него. – Как вы узнали?

– Я же объяснил! Наблюдательность, жизненный опыт, дедукция...

– А как вы узнали про «Глобал виллидж»? – настаивала я.

Александр медлил с ответом. Лицо его стало уже не просто серьезным, а мрачным. Он прикрыл правой рукой глаза – блеснул серебряный перстень с багровым непрозрачным камнем на безымянном пальце – и произнес глухо:

– Я почувствовал... Не знаю, как... Это необъяснимо, Ксения. Не знаю... Не спрашивайте меня.

Я смотрела на него, приоткрыв рот и чувствуя, как горят щеки.

– Ксения, очнись! – Стелла вернула меня на землю. – Этот экстрасенс собирался покупать квартиру, и я рассказала ему про тебя.

– Ну, погодите, ведьмочка! – пригрозил Александр, рассмеявшись. – Быть вам черной кошкой! Теперь не отвертитесь.

– Лучше зеленой ящерицей, – возразила Стелла.

– Какая же вы ящерица? Вы кошка! Хотите, погадаю? Расскажу судьбу?

– Я и так все знаю.

– Неправда. Вы ничего не знаете о человеке, который вам нравится. Ну-ка, ну-ка...

Александр потянулся к руке Стеллы, но та проворно убрала ее за спину и с вызовом посмотрела ему в глаза. Выражение лица у нее стало неприятным, во взгляде медленно закипало раздражение. Ее радостное настроение испарялось на глазах. Я удивленно смотрела на приятельницу, не понимая, почему невинное предложение рассказать судьбу вызвало у нее такое неприятие.

– Вы что, подслушивали? – спросила она.

– Конечно, подслушивал, – не стал отпираться Александр. – Я всегда подслушиваю, когда подворачивается возможность. А вы что, правда беседовали о любви?

– О чем же еще могут говорить девушки, как не о любви. Не о работе же!

– От таких деловых дам, как вы, можно ожидать чего угодно. Любовь... Любовь – это серьезно. Хотите, выпьем за любовь? – Он призывно махнул рукой официанту. – Чем вас угостить, милые дамы?

Он смотрел на Стеллу с непонятным выражением, наклонив голову вперед. На лицо его упала тень, и оно стало хищным. У меня появилось чувство, что этих двоих что-то связывает, что-то прячется в мутных водах их отношений – камни, коряги, топляки. Что-то такое... Странно, обычно Стелла все мне рассказывает. Я опустила глаза, не желая подсматривать в замочную скважину. Но не в силах справиться с любопытством, снова взглянула на Александра. Его лицо больше не было хищным. Он, улыбаясь, переводил взгляд с меня на Стеллу, ожидая ответа.

– Мне шампанского, – сказала я неожиданно для себя.

– Мне тоже, – добавила Стелла, помедлив.

...Я выпила все холодное шампанское, со стуком поставила на стол бокал и расхохоталась. Все вокруг стало невесомым – поплыло, легко покачиваясь, – и невероятно смешным. Красавец Александр, улыбаясь, смотрел на меня. На дне его глубоких, как темные колодцы, глаз мерцали звезды. Тонкие чувственные губы исказила улыбка, похожая на гримасу. Я, к своему ужасу, облизнулась, раздула ноздри, судорожно вздохнула и... Что-то менялось вокруг.

Меня охватило чувство не то полета, не то низвержения. Я стремительно скользила куда-то. Пузырьки шампанского взрывались внутри, больно впивались в позвоночник, стены кружились все стремительнее, и я вцепилась пальцами в край стола – еще унесет! Мне вдруг до смерти захотелось прикоснуться к Александру – колено мое под столом уперлось в его колено, и меня тряхнуло как от электрического разряда. Александр шевельнулся, придвигаясь ближе. Он был так близко, что я чувствовала его тепло и приятную смесь из запахов кожи, одеколона и свежей льняной рубашки, видела несколько седых волосков на висках, жесткую морщинку в уголке рта. Я потянулась к его губам, мне казалось, я чувствую их вкус...

– Ксень, нам пора!

Громкий голос Стеллы вырвал меня из наваждения, и я словно проснулась. Кружилась голова. Крохотные молоточки стучали в затылке. Хотелось спать. Шампанское в бокале Стеллы уже не пенилось и напоминало жидкий чай. Она так и не притронулась к нему.

Александр молчал, не пытался удержать меня, не предложил проводить. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, достал визитную карточку, протянул мне.

– Возьмите, Ксения. Никогда не знаешь... Если что, звоните. Мы не делаем чудес, как говорится в телерекламе слабительного, мы просто возвращаем людям радость жизни. – Он улыбнулся своей кривой улыбкой. – Обещаете?

Я кивнула молча и спрятала карточку в карман жакета.

Мы вышли на улицу. Я чувствовала себя уставшей и подавленной. Хотелось пить. От моего радужного настроения не осталось и следа. Стелла вдруг воскликнула с досадой:

– Колдун проклятый! Распустил чары!

– Кто он такой? – спросила я.

– А черт его знает! – воскликнула Стелла. – Фокусник, гипнотизер... Шарлатан!

– Ты давно его знаешь?

– Давно, – нехотя ответила Стелла. – Наша фирма консультировала его... когда-то.

– Ты с ним... – я замялась.

– Трахалась? Да! Любовник он классный.

– А сейчас? – Я испытывала болезненное желание говорить об Александре.

– Сейчас нет.

– Почему?

– Потому. Страшно стало. К нему привыкаешь, как к наркотику. Я ни о чем другом думать не могла, только – Александр, Александр, Александр! Обмирала от его голоса в трубке! До слез, до истерики, до обморока, бежала, не помня себя, по первому зову! Лишь бы дотронуться до него, как ненормальная! А ревновала как! Травиться хотела, представляешь? Это я-то!

– Не представляю, – пробормотала я. – Он что, тебя бросил?

– Это я его бросила! Я! Почувствовала, что схожу с ума. Ненавидела себя! До сих пор ненавижу!

– Когда это было?

– Три года назад. Помнишь, я уехала в круиз по Средиземному морю? Ангел-хранитель надоумил. В Италии оклемалась и даже закрутила роман с помощником капитана. Красавчик – белый китель, золотые погоны, начищенный, надушенный, загорелый, на физиономии ни следа мысли. Улыбка ослепительная, и зубы крепкие, как у волка. Сплошная физиология. Как раз то, что надо – лекарство от любви. Вернулась, Александр примчался, а я ничего – погасла. Он и так и эдак... А я как камень. Все, кончилось рабство, гипноз не действует. Секс-рабыня вырвалась на свободу.

– Он что, действительно тебя гипнотизировал?

– Не знаю. А только муторно мне было от его любви. Помнишь Дракулу? Вот он такой же Дракула. Вампир. Хотя любовник... офигительный! – Стелла засмеялась. – Смотри, Ксень, не влюбись!

– А почему ты с ним на «вы»? – вспомнила я.

– Не знаю... как-то так получилось с самого начала. Тоже, кстати, меня раздражало... Выпендрей!

– А чем он занимается?

– Черт его знает! – снова ответила Стелла в сердцах. – Ты имеешь в виду, где он работает? У него передача на телевидении, сразу после новостей. Около часу ночи. Зодиак, гороскопы, сны, эзотерика. Для истеричных баб. Сеансы какие-то устраивает, предсказывает будущее, учит расслабляться, снимать тревогу, страх... Гуру гребаный, извини за выражение. Посмотри при случае. Тебя всегда так развозит от шампанского?

– Что? – не поняла я.

– Ты побледнела, а он так и впился в тебя... глаза страшные! Губы сжались, пальцы вцепились в край стола... Ну, все, думаю, сейчас как кинется – и клыками в шею! А ты тоже хороша! Чуть не бросилась на него!

– Не выдумывай, – вяло отмахнулась я. – Интересный человек, не то что твой доктор Лапин.

– Ага! И ты попалась! – закричала Стелла. – Ксенька, не вздумай! Да мой доктор Лапин чист, как ребенок, по сравнению с Сашкой. Прост, как правда, никакой чертовщины. И не корчит из себя, не вы... – Она испуганно прикрыла рот ладошкой: – Извините, вырвалось! – Не выдержала, рассмеялась. – Скажи ему... что мне ничего от него не нужно! Только поговорить... Скажешь?

– Скажу. Ты хищница, Стеллочка. Ты преследуешь мужика, как зверя. А этот твой экстрасенс сам зверь.

– Точно. Перекусит любого, проглотит и не подавится! А дуры-бабы и рады!

Глава 6

Генеральный директор в домашнем интерьере

Когда я переступила порог своей квартиры, было уже начало одиннадцатого. Мы никак не могли расстаться. Стелла без конца говорила о докторе Лапине. А мне хотелось расспросить об Александре Урбане. Я думаю, мы обе не слышали друг друга, существуя как бы в параллельных реальностях. Но это неважно, так как разговор все равно топтался на месте, и одни и те же вопросы мы задавали друг другу по десять раз. Наконец нам удалось распрощаться на центральной площади. Стелла снова повторила, что доктор Лапин появляется на улице ровно в восемь и идет пешком до своего дома. Четыре квартала. И вот тут-то его и надо брать – ничего не подозревающего, сонного и беззащитного. В голосе ее звучали хищные нотки.

– Ты подойдешь к нему, – наставляла Стелла, – и скажешь... Или нет! Ты подойдешь и спросишь...

– ...который час, – подхватывала я. – Он ответит, и я, как последняя дура, скажу «спасибо» и отвалю.

– Нет! – вскрикивала Стелла. – Ты просто здороваешься...

– И что дальше?

– Ну, скажешь, какая прекрасная погода... Нет, скажи, что хочешь с ним поговорить... Господи, неужели это так сложно?

– Если все так просто, то поговори сама.

– Но ты же посторонний человек...

Не зная, как прореагирует доктор Лапин на мои приставания, я не могла прогнозировать диалог. Я представляла себе, как может прореагировать голодный Лапин на любое препятствие между собой и завтраком на собственной кухне, жалела, что поддалась уговорам, и готовилась к худшему. Я вдруг вспомнила, как однажды, очень давно, кажется, в шестом классе, я подрядилась отдать записку подружки школьному красавцу, в которого та была безнадежно влюблена. Время я выбрала неудачно – красавец был не один. Он небрежно взял записку, повертел в пальцах, развернул и издевательски прочитал вслух. «Давай дружить», – стояло в записке, причем без подписи. Самым ужасным оказалось то, что все подумали, будто это мое послание. Мне чудилось, что о моем позоре знает вся школа. Глупость, конечно, которая вспоминается сейчас как незначительный эпизод, а тогда я сгорала от стыда и домой из школы пробиралась «огородами».

Общество относится к человеку так, как он сам относится к себе. Больше хладнокровия, смейтесь над собой первой и смотрите в глаза оппоненту. Или обществу. Одним словом, «бей первым, Фредди!». Доктор Лапин был далеко не красавец, но, судя по тому, что я уже знала о нем, вполне мог испортить мне настроение надолго.

– Сразу позвони, – повторила Стелла. – В девять у меня встреча с клиентом, но ты все равно позвони, ладно? Не забудешь?

– Если он меня не убьет раньше, – ответила я. – И если не забуду!

Сбросив туфли в прихожей, я прошлепала босиком в гостиную, упала на диван. И только сейчас почувствовала, как устала. Ныли ступни, налились тяжестью плечи, словно весь день я копала клумбы или таскала ящики. В голове вертелись обрывки разговора с приятельницей. Лицо нового знакомого выныривало фрагментами: жесткие складки от крыльев носа, внимательные серые, почти фиолетовые, глаза. Голос Стеллы, мягкое журчание речи немногочисленных посетителей кафе, глуховатый смех Александра Урбана. «Необычная фамилия», – подумала я. На память пришла латынь господина Бяготти, получившего классическое образо-

вание. «Urbi et orbi» – часто повторял господин Бяготти. «Городу и миру» или «всему миру» – слова из благословения вновь избранного папы. Господин Бяготти никого не благословлял, а употреблял эту фразу, когда речь заходила об общеизвестных фактах. «Ах, – говорил он, – кто же этого не знает, моя девочка? Это не тайна, а секрет Полишинеля, это известно «urbi et orbi»!»

У Александра латинские корни? Вспомнив о его визитной карточке, я достала из кармана маленький белый прямоугольник. Там были только имя, номер телефона и адрес электронной почты. Ни профессии, ни названия фирмы. Визитка казалась слепой. Черный простой шифр. Сухо, деловито, больше подразумевается, чем сообщается. Даже это необычно и цепляет воображение. Или выпендрож, как сказала Стелла?

Преодолев сонную одурь, я наконец заставила себя подняться с дивана. Нажала на кнопку автоответчика.

– Ксения Валентиновна! – резанул по нервам возбужденный женский голос, показавшийся мне смутно знакомым, и я вздрогнула, как от дурного предчувствия. – Я впарила Густаву две квартиры! За выставленную цену, он не торговался. Брокерских пять процентов! Одну на проспекте Мира, под офис, другую около площади, под жилье! Пока оформляли документы, на склады€ ехать стало поздно. Я позвонила, договорилась с владельцем на завтра!

– Оля, – подумала я с облегчением, чувствуя, как разжимаются жесткие пальцы, сжавшие сердце. Не стоило пить шампанское. Для меня его последствия непредсказуемы. Оля обычно нарочито медленно цедила слова, демонстрируя свою независимость, а тут словно проснулась. Озадаченная, я снова нажала на кнопку и услышала еще раз, что Густав купил две квартиры. Уже Густав, надо же! Молодец Оля!

Не зажигая света, странно беспокойная, не находя себе места, я бродила по квартире. В окна мигали красно-желтые огни рекламы, расположенной между шестым и седьмым этажами. В красноватой темноте комната выглядела иначе, чем при свете. На миг мне почудилось чужое присутствие, что вызвало не страх, а ожидание необычного. Предчувствие... Я застыла, не шевелясь – прислушивалась. Тишина, казалось, была наполнена шагами, шорохами, мелкими царапающими звуками, скрипами.

Потом я стала раздеваться. Одежду бросала на пол. Обнаженная, провела ладонями по груди, животу... Запустила пальцы в длинные волосы... по спине сразу побежали мурашки... Ворс ковра щекотал ступни... Тело в красном свете казалось чужим.

...Я стояла под душем, и мне чудилось, что чьи-то теплые руки гладят мое тело. Текло тягучее, как сироп, время, а я все стояла под струями теплой воды, как залякла. «Залякла» – так говорила бабушка. Что, видимо, значило: «застыть, как статуя». Бабушка знала много подобных словечек...

Мыслей не было, лишь полусонная томная одурь. Душ для меня так же утилитарен, как чистка зубов. То, что я испытывала сейчас, казалось удивительным и необычным. Самое подходящее для описания этого состояния слово «радость». Даже два: «радость предчувствия». Теплые мягкие струи обволакивали... Я прижала ладони к гладкой, холодной кафельной стене и медленно соскользнула вниз... Уселась на дно ванны, подтянула колени к подбородку, обхватив их руками, подставила лицо под мерные струи, закрыв глаза...

...Не торопясь накрутила полотенце на мокрые волосы. Вышла из ванной, оставляя мокрые следы на полу. Зябко поежилась от холода. Вода испарялась с моей кожи, и мне казалось, я стала невесомой. Я могла взлететь... «Колдун проклятый!» – сказала Стелла. Я рассмеялась. Достала из комода в спальне махровую простыню, завернулась, как в тогу. Вернулась в гостиную, села на диван, подобрала под себя ноги. Протянула руку, взяла пульт. Действия мои были неторопливы и неизбежны, как движения марионетки. Щелчок – и в центре экрана вспыхнула блестящая точка. Секунду спустя знакомый голос отозвался колючкой в сердце, и сразу же я

увидела Александра Урбана. Он смотрел мне в глаза, и я инстинктивно запахла простыню на груди.

– Телепатия – заложенная природой способность мозга передавать и принимать мысли, – говорил Александр. Не столько говорил, сколько вещал – неторопливо, с чувством. – В это легче не верить, чем верить... Даже те, кто наблюдал опыты, отказываются верить, считая увиденное не чем иным, как простым совпадением...

Он продолжал смотреть мне прямо в глаза, улыбаясь своей кривой улыбкой, и я почувствовала, как горячая волна накрывает меня с головой. Губы пересохла, сердце колотилось в горле. Мне стало дурно, цветная картинка экрана медленно поплыла в сторону, и я провалилась в небытие...

Когда я пришла в себя, Александр уже не смотрел на меня. Лицо его стало безразличным – казалось, его совсем не интересовал предмет разговора.

«Неужели и правда чары?» – думала я, оглушенная, пытаюсь рассмеяться. Я, как и бабушка, не верила ни в бога, ни в черта.

Что со мной? Я не знала. Возможно, проклятое шампанское, усталость, Стелла со своим дурацким поручением. Я пыталась объяснить свое состояние всякими естественными причинами, не желая признавать, что это как-то связано с Александром. Не чары, нет! Гормоны, а не чары! Вегетативный бунт, чистая физиология. Со своим последним мужчиной я рассталась около полугода назад. Мое девство не мучило меня. «Дьявольские» искушения прогоняются холодным душем и работой до первых петухов. Александр влетел в тихую заводь моего воображения, как камень в болото. Да и Стелла добавила интереса, сказав, что он замечательный любовник.

Меня тянуло к Александру. Я жадно рассматривала его лицо – глубокие глаза, виски, припорошенные легкой сединой, шевелящиеся тонкие чувственные губы – и совсем не прислушивалась к его словам. Перебирала в уме возможные поводы позвонить ему завтра же. В глубине души я сознавала, что вряд ли позвоню, но даже мысль о такой возможности доставляла мне удовольствие почти болезненное. Я, казалось, превратилась в маленькую робкую девочку, влюбленную в старшеклассника, которая прячется за углом дома, подстерегая его после уроков...

Тут я вспомнила о деликатном поручении Стеллы и чертыхнулась. Наваждение исчезло. И сразу же включился звук и открылся смысл в словах Александра.

– Когда мозг, уходя в сон, удерживает одну нужную вам мысль, то все подсознание вынуждено работать над практическим претворением этой мысли... – говорил Александр без выражения. Видимо, он говорил об этом так часто, что ему надоело.

«Что за чушь? – подумала я. Разум медленно возвращался в мою бедную голову. – Как подсознание может претворять... мысль? Во что претворять?»

Александр между тем попрощался, желая «полуночникам» спокойной ночи.

На другом канале шел старый «трофейный» фильм, как называла их бабушка – черно-белый, «Серенада Солнечной долины». Первый раз я увидела «Серенаду» в третьем классе и была потрясена. С тех пор я смотрела фильм раз пятнадцать или больше. Историю беленькой, тоненькой девушки-беженки из Скандинавии и руководителя джаз-банды, красивого американского парня, я знала наизусть. В главных ролях – Соня Хэни, олимпийская чемпионка по фигурному катанию тридцать шестого года, и кумир довоенного Голливуда Джон Пейн, красавчик, которому, доживи он до наших дней, исполнилось бы уже сто пять. Господи, как несправедливо!

С удивительной легкостью хрупкая Соня добивалась своего мужчины среди сверкающих на солнце заснеженных вершин, радостной беззаботности горнолыжного курорта, ритмов джаза и скрежета вспоротого коньками льда. И песня... «When you smile at me...» «Когда ты улыбаешься мне... декабрь кажется маем и расцветают фиалки... знаю я и знаешь ты...» И

так далее. Сладкая, как кленовый сироп, картинка, оставляющая после себя чувство светлого суррогатного счастья...

Уснула я сразу, как провалилась. Подсознание мое молчало, и мне ничего не снилось.

Утром, однако, мысль о предстоящей встрече с доктором испортила мне настроение, и кофий я пила, как чеховский персонаж – чиновничья вдова Мерчуткина, – без всякого удовольствия. И досада появилась на Стеллу, и искушение позвонить и отказаться от авантюры.

Легка на помине, Стелла позвонила сама.

– Ну, ты как? – спросила она. Ни здравствуйте, ни до свидания. В смысле, как ты настроена, каков дух.

– Отвратительно, – ответила я брюзгливо. – Чувствую себя просто по-дурацки...

– Вот и хорошо, – ответила Стелла, не слушая. – Не забудь сразу же позвонить! Жду!

Без десяти восемь я уже стояла в засаде, ругая себя за опрометчиво данное обещание. Мне пришло в голову, что знаю я доктора Лапина только по описанию Стеллы и могу промахнуться. Невысокий лысеющий блондин, небритый, в мятых брюках. Да оглянитесь вокруг, люди добрые! Сколько их, этих небритых, мятых и невыразительных блондинов, шагает по улице ежеминутно? Десятки. Плюс те, что в шляпах и кепках, прикрывающих плешь. «Может, это и к лучшему, – подумала я. – Скажу, не смогла идентифицировать по данному описанию. Вот если бы фотография...»

Тем не менее доктора Лапина я узнала сразу. Не иначе как сработало подсознание. Он вышел из распахнутых ворот станции «Скорой помощи», остановился, достал пачку сигарет. Утро было такое тихое, что я явственно слышала щелчок зажигалки. Он закурил и с наслаждением выпустил облако дыма. Постоял, рассматривая что-то под ногами, и зашагал не спеша к центру города.

Был доктор Лапин невысокого роста, крепко сбит, и тонзура плечи уже светилась на макушке в негустых бесцветных коротко стриженных волосах.

Лицо его показалось мне невыразительным – возможно, из-за светлых волос и бровей. Все остальное было в масть: рот, нос, подбородок – не за что зацепиться взглядом.

Он был одет, разумеется, в мятые белые брюки и рубаху цвета хаки с короткими рукавами. Причем пуговицы на рубахе оказались застегнуты неправильно и уголок воротничка торчал над левым ухом доктора.

Я шла за ним, чувствуя нарастающий протест против навязанной мне роли посредника. Или сводни. Что я ему скажу? Мне пришло в голову, что только взбалмошная моя приятельница смогла отказаться от породистого Александра и запасть на этого замухрышку. Доктор Лапин! Хрестоматийное имя для типичного неудачника.

Ускорив шаг, я догнала его и произнесла: «Простите, можно вас на минуточку?», надеясь, что мой голос звучит уверенно. Он прозвучал не только уверенно, но и зло.

Доктор Лапин остановился и повернулся ко мне. Он не удивился, глаза смотрели выжидающе и, как мне показалось, довольно жестко. Веки красные, физиономия потертая. Видимо, не спал ночь. Что-то вроде сочувствия шевельнулось в душе, и я впервые подумала о докторе Лапине как о живом человеке, а не персонаже из рассказа влюбленной подруги.

Лапин, прищурившись, рассматривал меня. Взгляд его мне не понравился. Оценивающий взгляд циника, который лапает в укромных углах сестричек и пьет неразбавленный спирт.

– Мне нужно с вами поговорить, – начала я.

Он выжидающе смотрел. Выпустил дым в сторону, затянулся глубоко в последний раз и бросил недокуренную сигарету на землю. Наступил на окурочек. В его молчании мне почудилась издевка. Любой на его месте ответил бы... Ну, что-нибудь вроде: да-да, конечно, весь внимание. Любой, но не доктор Лапин!

- У вас есть время? – спросила я, чувствуя себя по-дурачки.
Он продолжал рассматривать меня. Потом спросил:
– Сколько? – Голос у него был сиплый.
– Что «сколько»? – Я начала нервничать.
– Времени сколько? Сколько вам нужно минут, чтобы изложить свою проблему, – терпеливо, как умственно отсталой, объяснил он. Зеленоватые глаза издевательски шурились.
– Четыре минуты, – брякнула я.
– Валяйте! – любезно пригласил он.
– Я по просьбе моей подруги... – начала я.
– Стеллы? – перебил он меня. – Я должен был догадаться. И чего же вы хотите?
– Откуда вы знаете? – спросила я, чувствуя, что разговор заносит куда-то в сторону.
– Вы с ней одного поля ягоды, – ответил доктор Лапин и, видя недоумение на моем лице, пояснил: – Деловые женщины без комплексов, хочу – беру.
– Это плохо?
– Это никак. Как погода – бывает дождь, а бывает туман. Или ураган. Кому что нравится.
– И кто же мы, по-вашему?
– Вы? – он задумался. – Суховей.
– А вы? – Меня уже несло. Мы общались всего минуту, но доктор Лапин сумел завести меня не на шутку.
– Я? – Он снова задумался, пожал плечами. – Дождь... наверное.
– Дождь? Дождь?! – Я задохнулась. – Почему это вы дождь, а мы суховей?
– Да нипочему. Фигура речи. Хотите, будьте вы дождем. Или давайте я буду экологически грязным дождем, содержащим угарный газ и синильную кислоту. Лады? Ну, а теперь скажите, что вам от меня нужно.
– Ничего! – закричала я, чувствуя себя последней идиоткой. Диалог наш на глазах принимал иррациональный характер. – Ничего мне от вас не нужно!
Он протянул руку, сжал мое плечо и сразу же отпустил, сказав:
– Успокойтесь. Вы пришли по поручению вашей подруги Стеллы. Она звонит мне... часто в последнее время. Стелла очень красивая женщина... Вы тоже ничего, – он скользнул по мне оценивающим взглядом. – Но вряд ли у нас что-нибудь получится. Дело не в ней, дело во мне. Так что спасибо за доверие.
Он говорил небрежно, не желая хотя бы интонацией смягчить свои слова. Смотрел на меня вяло-зелеными глазами в красных веках, небритый, с уголком воротничка, торчащим над ухом.
– Да кто ты такой? – рвалось у меня с языка. – Ты... ты... посмотри на себя!
– Я пошел, – сказал он вдруг. – Устал, как бродячая собака. Подруге передайте, что она слишком хороша для меня. – В голосе его мне почудилась насмешка. Я вспыхнула – доктор Лапин, видимо, уловил мое настроение. – Как вас зовут? – спросил он.
– Ксения, – ответила я, чувствуя себя душой набитой.
– Прощайте, Ксения, – сказал доктор Лапин, протягивая мне руку. – И будьте счастливы.
Я протянула свою ладонь. Лапин тряхнул ее, сунул руки в карманы и зашагал по улице, оставив меня стоять на тротуаре.
– Послушайте! – закричала я ему вслед. Он оглянулся. – У вас пуговицы застегнуты неправильно.
Он помедлил, соображая, потом провел рукой по груди, вытащил рубашу из брюк, принялся расстегиваться. Расстегнувшись, уравнивал полы рубашки и начал застегивать пуговицы, причем снизу. Застегнувшись до пупа, кое-как запихнул рубашу обратно в брюки. Махнул мне рукой и ушел.
Я постояла, глядя ему вслед, и тоже пошла восвояси.

Глава 7

Всякая всячина

Шум из нашего предбанника, где сидели секретарша и молодняк, был слышен даже в коридоре. Я остановилась под дверью, пытаюсь понять, что происходит. По коридору прошел незнакомый мужчина, подозрительно смерив меня взглядом. Видимо, решил, что я подслушиваю. Решительно нажав на ручку двери, я вошла. Шум стих, головы повернулись в мою сторону. «Ксения Валентиновна! – завизжала Оля. – Как хорошо, что вы пришли!» Как будто я не являлась на работу каждый день. Она рванулась ко мне и, прежде чем я успела уклониться, обняла. Человек, которому бросаются на шею ни с того ни с сего, ничего не объяснив, выглядит глупо. Особенно тот, кто не пришел в себя после встречи с доктором Лапиным и всю дорогу нудно с ним доругивался, приводя все новые и новые красивые аргументы, которые, как все красивые аргументы, приходят с большим опозданием.

– Ксения Валентиновна! – Оля наконец оторвалась от меня. – Я принесла шампанское! Я так рада, вы себе не представляете. Я вас ждала до девяти вечера, думала, вы придете, хотела рассказать про Густава. Он купил две квартиры, а сегодня купит склады €.

Она еще что-то говорила, а я смотрела на девушку и не узнавала ее. От прежней Ольги не осталось почти ничего. Ни краски на лице, ни востановленной гривы, ни хамских ярких шмоток и бижутерии. Гладко причесанная, неожиданно круглая, воробышья головка, белая блузка, узкая черная юбка, черные туфли на высоком каблучке.

– Стас! – крикнула она. – Открывай! Все в сборе!

Не было Романа, но вассал, еще вчера готовый выполнить любую прихоть сюзерена, уже поменял знамена и напрочь забыл о прежнем хозяине. А с другой стороны, Роман не появляется на работе раньше одиннадцати. Баба Броня уже доставала из серванта стаканы. Динка сидела мрачная, завидовала. Стас открыл шампанское по-гусарски – пробкой в потолок. Пробка, ударившись, рванулась вниз и в сторону и со смачным звуком задела по лбу Кире, который как раз подгадал открыть дверь. Он шарахнулся в сторону, зацепился за край дорожки и рухнул на пол, нелепо взмахнув руками.

– Какой козел! – взревел он, лежа на полу. – Стас, ты?

– Пить будешь? – спросил Стас, протягивая другу стакан с шампанским.

– Пошел ты знаешь куда? – заорал Кира. – Козел! Давай!

Я смеялась, вытирая слезы, баба Броня хохотала басом, Динка тонко скулила, всхлипывая. Они пили шампанское, причем Кира – лежа на полу и подпирая свободной от стакана рукой голову. Я почувствовала, как рассеивается неприятный осадок от встречи с доктором Лапиным. «Оля, зайдите ко мне», – сказала я, направляясь в свой кабинет.

– Ксения Валентиновна, спасибо вам! – Взмолвленная Ольга стояла перед моим столом. – Если бы не вы... Когда вы меня позвали вчера, я подумала – ну, все! Под ж... коленом. Динка еще сказала, теперь ее очередь. А я думаю, что же делать? Что? Снова в массажный кабинет? Туда возьмут, им всегда кадры нужны. И бабля зашибить можно, но, как вспомню, рыгать хочется! Всякое быдло изгаляется! Думает, купило. Я и проводником работала, от пьяни отбивалась, и уборщицей в аэропорту. Комендант, сука, никого не пропускал, еще и бабки плати за место. Иду к вам вчера и думаю: «Господи, помоги!» – Девушка слегка опьянела от шампанского и страшно возбуждена.

– Сядьте, Оля. Вы хорошо поработали.

В своем пьяноватом простодушии Оля открыла, как бояться меня и с каким чувством идут ко мне на ковер. Я представила себе ненависть этих девушек... Я не обольщалась насчет их чувств, но одно дело подозревать, и совсем другое, когда тебе говорят об этом в лицо.

– Когда придет... клиент?

– Густав? В девять. – Оля взглянула на часы. – Через пятнадцать минут. Вы знаете, он такой... – она запнулась. – Ну, как брат... внимательный, добрый. Спрашивает меня – *вы голодны?* И без всяких... Не то что наши мужики...

– Молодец, Оля. Не забудьте сказать спасибо бабе Броне.

– Не забуду. Я и сама думала... Я куплю ей духи... с зарплаты. Французские. И еще что-нибудь... может, конфеты для внучки.

– Оля... – Я запнулась, не решаясь нарушить собственную заповедь – держи дистанцию! – Оля... у вас есть семья?

– Одна мать, – Оля, казалось, не удивилась. Жизнь ее вошла в новую полосу, звезды выстроились по-новому, и могли случиться всякие неожиданности. – Она сейчас в больнице с переломом ключицы. Упала на лестнице, пьяная в дымину, а у нас там никогда нет света. Лампочки прут. – Оля говорила о матери так непринужденно, будто у той был всего-навсего легкий насморк.

– Она пьет?

– Пьет. Как убили отца, так и запила. Я еще маленькая была, три года всего... когда его грохнули.

– Кто?

– Дружки. Они вскрывали товарные вагоны, ну и чего-то там не поделили.

– То есть... воровали?

– Ага, – беспечно отозвалась Оля. – Продукты всякие, консервы, водку.

Озадаченная, я не знала, что сказать. Наконец выдавила из себя:

– Может... вашу маму нужно лечить?

– Она лечилась два раза, не помогает, – махнула рукой Оля. – Держится полтора месяца, а потом срывается. Когда бабушка была жива, еще кое-как, боялась, а сейчас совсем плохая стала.

Слушая Олю, я испытывала странное чувство нереальности не столько от ее истории, сколько от той легкости, с какой девушка рассказывает о себе. Оля не испытывала ни смущения, ни стыда, и в этом я видела странность, невольно внушавшую уважение. Или что-то похожее на уважение. Как назвать это, я не знала. Я никогда не опускалась до мутных социальных глубин, где с рыбьей легкостью плавала Оля. У меня в жизни были трудные моменты, и я гордилась тем, что сумела вовремя принять нужное решение. Где-то внутри меня сидела уверенность записного идеалиста в том, что хорошим людям воздается по заслугам, всякий труд вознаграждается, успех приходит к трудягам, есть свет в конце тоннеля, и так далее, а если ничего этого не случилось, то... сами виноваты. Впервые мне пришло в голову, что мои трудности и не трудности вовсе, а так, легкие препятствия. У меня не было в жизни ни массажного кабинета, ни коменданта аэропорта... ни пьющей матери. Да если бы мне пришлось выбирать между массажным кабинетом и аэропортом, я бы скорее умерла. «Умереть легко, а ты поживи, – сказал рассудительно кто-то внутри, – а потом суди. Умная какая...»

– Бабушка хорошая была, любила меня, – продолжала Оля.

– Меня тоже растила бабушка, – сказала я неожиданно для себя. – А родителей я не помню.

– Моя бабулька была класс, всех строила. Мать при ней по струнке ходила. А... что случилось с вашими родителями?

– Не знаю. Бабушка никогда о них не говорила.

Странность, к которой я давно привыкла, сейчас облаком повисла в воздухе. Оля смотрела на меня сочувственно. Уж на что обделенной в жизни была эта девушка, мать у нее все-таки есть, хоть и пьянчужка.

Зазвонил телефон, и мы обе вздрогнули.

– Ксюш, ну как? – прокричала Стелла.

– Подожди. – Я повернулась к Ольге. – Оля, спасибо за шампанское. И желаю удачи.

– Спасибо, – шепотом ответила девушка и на цыпочках пошла к двери.

– Вы что, шампанское пьете? – слабо удивилась Стелла. – С самого утра? По какому поводу? – Не дожидаясь ответа, спросила: – Ну, как? Видела?

– Видела.

– Ну, говори! Не тяни! Что он сказал?

– Он сказал, что ты очень красивая женщина.

– Правда? Как именно он это сказал? Какими словами?

– Ваша подруга, говорит, очень красивая женщина.

– А что еще?

– Что ты слишком красива для него. И у него проблемы...

– Какие? С женой?

– Он не объяснил...

– Надо было спросить. Как он тебе?

– Никак. Он снова был в мятых брюках и небритый.

– А о чем вы говорили?

– Он сказал, что он дождь, а мы с тобой суховей.

– Что? Какой еще дождь? При чем тут дождь?

– Такая фигура речи.

– Ксенька, я ничего не понимаю. Ты что, опять наклюкалась?

– Даже не притронулась. Твой доктор Лапин не готов к отношениям. Ты очень красива.

А он – дождь с цианистым калием.

– Ксень, ты что, с ума сошла? Что ты несешь?

– Стелла, объясни мне, что ты в нем нашла и на кой черт он тебе сдался? Он невоспитан и груб. Он не стоит тебя. Не звони ему больше.

– Это он сказал, чтоб я не звонила?

– Нет, это я говорю. Он заявил, что ты слишком хороша для него и он не готов к... ни к чему не готов. – Разговор пошел по второму кругу.

– А что было потом?

– Ничего. Он сказал, передайте подруге, что она слишком хороша для меня, попрощался и ушел.

– И все?

– Нет, не все. Он стал застегивать рубаху, так как был застегнут неправильно.

– Прямо на улице?

– Да. И после этого ушел. Мне он не понравился. Забудь о нем.

Стелла молчала. Мне показалось, она плачет.

– Ты что, ревешь? Из-за этого... типа? – возмутилась я.

– Ксенька, ты ничего не понимаешь, – всхлипывая, сказала Стелла. – Ты холодная. Разве ты хоть раз влюблялась как в омут с головой?

– Во всем должна быть мера, – назидательно ответила я. Слова ее меня задели.

– Ладно, спасибо. Я все-таки позвоню ему...

– Не звони! – закричала я, но Стелла уже повесила трубку.

Я откинулась на спинку кресла и задумалась. Мне стало не по себе. Неприятный осадок оставила встреча с доктором Лапиным, неприятно было унижение Стеллы. Если даже они нач-

нут встречаться, то ничего хорошего из этого не получится. Стелла – собственница, а доктор Лапин – независимый бродячий кот... Или собака. Вернее, пес.

* * *

А в это время в кабинете Стаса шел спор. Кира требовал зайти в Интернет на форум «Беспредел» и посмотреть, что кто сказал по теме «Секс и ты» за прошлую ночь.

– Да не могу я! – шипел Стас, оглядываясь на дверь. – Ксения каждую минуту может ворваться.

– Мы быстро! – убеждал друга Кира. – А давай дверь закроем на ключ!

– Еще чего!

– Ты ж не с бабой, козел!

– Еще чего! Давай вечером!

– Давай сейчас! Вечером я не могу. Да не бойся ты, козел! Ксения классная баба, к ней только подход нужен.

– Сам козел! – ответил Стас, но тем не менее кликнул мышью на закладке «Беспредел», пробежал комментарии по теме, добрался до нужной даты.

– Немного, – разочарованно протянул Кира. – Неужели нечего сказать?

Молодые люди углубились в чтение.

– Ну, козел! – возмутился Кира. – Смотри, чего пишет: «Секс – это как полет без парашюта». Он что, типа, не предохраняется?

– При чем тут... Кирка, ты что, идиот? Не понимаешь?

– Чего не понимаю? Чего тут понимать?

– Это такое образное выражение! Он описывает свои ощущения...

– Смотри, вот еще! – перебил друга Кира. – Опять «Гость». «Секс – радость всей моей жизни!!!» Ну, козел. Детский сад, блин! Малолетка! Этот «Гость» меня уже достал!

– «Гость» – погремуха всех, кто не регился! – объяснил Стас. – Неужели не понятно?

– Так это не один чувак? А почему не регился?

– Потому что из интернет-кафе.

– Слушай, а можно вычислить, если из интернет-кафе?

– А как ты его вычислишь?

– Ну, не знаю, как-нибудь.

– Зачем?

– Да посмотреть на него, козла! Не именно на этого, а вообще. Вот, например, пришлет тебе «мыло» с вирусом...

– Вычислить практически невозможно.

– Значит, все-таки возможно? Ты сказал, «практически». Значит, можно?

– Да если из интернет-кафе, как же ты его вычислишь? – заорал Стас. – Пришел, закинул, и с концами.

– Не ори, а то Ксения прибежит! – одернул друга Кира.

Стас опасливо покосился на дверь.

– Все! – объявил. – Лавочка закрывается. Мне еще сайт доделать.

Глава 8

Александр Урбан

Около пяти позвонил Сэм Вайт и пригласил меня пообедать в «Прадо». Он по привычке называет ужин обедом, а ужина как такового у Сэма не бывает. Я спросила, в честь чего, и Сэм ответил, что у него сегодня день рождения. «День варенья», – сказала я. Он удивился. Я объяснила заодно, что это значит и что такое «варенье». «А, джем!» – понял Сэм. Фраза ему понравилась, и он повторил ее три раза, чтобы лучше запомнить: «День варенья!»

Мне нравится Сэм. Нравится его простодушие. Глядя на женщину, он не раздевает ее мысленно и не думает о том, как бы затащить в постель. И приглашает в ресторан без всякой задней мысли. Вообще, из-за отсутствия задних мыслей Сэм кажется простоватым. Читать между строк он не умеет, наших анекдотов не понимает. Говорит, что думает. Верит газетам. И при этом, удивительное дело, круто считает деньги.

Я спросила, что ему подарить. Он ответил, что ничего не нужно. Потом подумал и сказал: «Галстук, потому что у женщин хороший вкус. Что-нибудь в местном стиле, только без медведей и русалок». Дома жена всегда покупает ему галстуки. Он добавил, что с нами, если я не против, будет еще один человек. Его недавно приехавший друг-архитектор, руководящий ремонтными работами. Джон де Бэр – так его зовут – имеет опыт обращения с рабочими из Восточной Европы. Его фирма в Нью-Джерси несколько лет подряд нанимала украинцев и поляков. В голосе Сэма звучат оптимистичные нотки. Приехал Джон – теперь дела пойдут!

Я ответила Сэму, что куплю ему самый красивый галстук, какой только смогу найти, но не сегодня. Он совсем не оставил мне времени. «О'кей, – ответил Сэм, – не беспокойся, купишь потом. Главное не подарок, а общение».

– Не забудь, – повторил он, – в половине восьмого я заеду за тобой. Вечернее платье необязательно.

Способность Сэма говорить на темы, относящиеся к социальным табу, поражает меня. Ему ничего не стоит сообщить мне, что туалет за углом, и что он подождет, и там не особенно чисто, поэтому осторожнее, и, скорее всего, нет туалетной бумаги. Или весело рассмеяться, услышав бурчание в собственном животе, и сказать: «Я такой голодный!»

Когда Сэм пригласил меня в ресторан после заключения сделки, я собиралась дать отпор в случае чего. Но никаких посягательств на мою честь не последовало. Весь вечер он говорил о своей семье и показывал фотографии. Семья у Сэма очень большая – жена, двое детей – девочки, родители, брат, две сестры, пятеро племянников и бабушка Пола – мать отца, которой уже сто два года.

– Она наш... как это... – Сэм затруднился с переводом. – Этот... мэскот!

– Талисман! – подсказала я.

– Ну да, талисман, – обрадовался Сэм. – У нее хорошая голова, она все понимает и молодая еще в голове. Весной попросила маму купить ей розовый костюм, увидела в журнале для тинейджеров. Представляешь? – Сэм рассмеялся. – Два раза в год вся семья собирается вместе – на бабушкин день рождения и на Рождество.

В прошлый раз Сэм показал мне фотографию нового племянника – Саймона. С фотографии на меня серьезно смотрел крохотный смуглый индейский ребенок. Он сидел на коленях прабабушки Полы.

– Это первый раз его привезли к прабабушке, – объяснил Сэм. – Джуди взяла мальчика из американского приюта для подкидышей в Колумбии.

Джуди – старшая сестра Сэма, незамужняя.

– Саймон – настоящий майя, – сказал Сэм.

Прабабушка Пола, хрупкая, как кузнечик, обнимала майю тонкими руками.

– Она спела ему колыбельную на идиш, – сказал Сэм. – Эту песню она пела моему отцу, когда они еще жили в Польше, почти восемьдесят лет назад. Просто удивительно, что она до сих пор помнит слова.

Я смотрела на фотографию прабабушки – еврейки из Польши, эмигрировавшей в Америку перед войной, и правнука – индейца из Колумбии, и думала, что истории, которые придумывает жизнь, бывают покруче тех, что выдумывают люди.

Джон де Бэр оказался громадным громогласным детиной из тех, что всегда и везде чувствуют себя как дома.

– Сэм, старина! – кричал он. – Я так рад, что приехал! Потрясная еда! Обалденные цены на фермерском рынке! Невероятно красивые женщины!

В конце ужина (или обеда) Джон выдал набор выученных у рабочих из Восточной Европы слов:

– Плохой! Ганьба! Еж твою мать! Пся крев! Водьяра! Оди-но-кий! Баба! Не сви-сти!

Сэм делал страшные глаза, я хохотала. Джон радовался и повторял слова снова и снова, видимо, не полностью догадываясь об их значении. Сэм сказал, что Джон знает и другие слова, но он попросил его употреблять их только на работе.

Они привезли меня к дому около одиннадцати. Джон сказал, что хочет кофе, но Сэм ответил, что кофе на ночь вреден. Джон заявил, что не против выпить чаю, но Сэм ответил: «Next time»¹, и они уехали.

Я поднималась по лестнице и думала, что в жизни моей почему-то стали происходить интересные события. Стелла, как амазонка, преследующая доктора Лапина, на которого где сядешь, там и слезешь, как говаривала моя бабушка. Яркой кометой пролетел по ночному небу экстрасенс Александр Урбан. Я представила себе рокового красавца Александра верхом на метле и расхохоталась. Оля явилась в новом свете. Приехал приятель Сэма Джон де Бэр. (Кстати, необычное имя для американца. Предки его, наверное, откуда-нибудь из Бельгии – удивительно, что сохранилась приставка «де».) Все эти события не касаются меня прямо, но хороводом кружат вокруг. Если честно, жизнь моя последнее время казалась мне слегка пресной. То есть с работой все прекрасно, а вот личная жизнь ограничивалась телевизором и книгами на ночь – с десятков страниц вместо снотворного. Любой скажет, что в моем возрасте нужно играть в другие игрушки, но... Один из моих любовников (каков анахронизм! Хуже только молодцеватый «бойфренд»!) рассказал однажды, что жена часто ищет его по кабакам и друзьям. «Борется за меня», – гордо сказал он. «С кем?» – спросила я. «Ну... вообще», – ответил он, подумав. «Я бы не стала», – заявила я. «Поэтому я с ней, а не с тобой», – резонно заключил он.

Любые отношения между мужчиной и женщиной – разновидность рабства. Уступки, компромиссы, закрывание глаз. Это цена за союз. Все как на рынке. На тебе «союз», но плати. Пока есть любовь и привязанность, платишь, не торгуясь. Когда «амур пердю», необходимость платить вызывает раздражение. Казалось бы – уходи! Ан нет! Уже повязаны общей собственностью, детьми, комфортом... И влatchаются дальше, стараясь не смотреть друг на друга лишний раз, особенно по утрам.

Да, да, знаю! Вместе легче в случае чего. Плечо, жилетка, стакан воды под занавес... Но ведь думаешь о любви, а не о том, кто в финале подаст стакан воды, не правда ли?

Так или примерно так думала я о мужчинах в моей жизни.

¹ В следующий раз (англ.).

– Это как дорога, – втолковывал мне один доморощенный философ. – Мы встретились и часть пути пройдем вместе. Или проедем в автомобиле. Потом разойдемся в разные стороны...

В общем-то, он прав. Я чувствую, что идти с любимым человеком до конца у меня не хватит ни терпения, ни желания. А раз так, то и сиди одна, как дура. Как ведут себя женщины, которые хотят удержать мужчину? Я помню советы тети Нюси и ее ликбез на дворовой скамейке для молодых из нашего дома на тему, как «годить» мужу. Откройте любой современный дамский журнал и почитайте добрые советы, как «захомутать» мужчину. Та же тетя Нюся, только с глянцем. Почему в мужских журналах не дают советов, как завоевать женщину? Что, парни и так все знают? Или их меньше, конкуренция большая? Сойдет и так?

Я не буду завоевывать своего мужчину! Я не хочу мужчину, которого нужно завоевывать тети-Нюсиными методами. Я не хочу мужчину, которого можно подцепить на крючок силиконовыми прелестями. Я не хочу глупого самодовольного самца, которому требуется все время повторять, что он самый-пресамый! Так и знайте! Точка.

Тут я пришла на свой этаж и стала шарить в сумке в поисках ключей. Мне в тысячный раз пришлось в голову, что нужные вещи в дамской сумочке находятся в последнюю очередь. Сначала попадают всякие ненужные – косметика, ручки, салфетки, рекламные проспекты, подобранные по дороге, а ключи... Вот они! Да, так на чем мы остановились? Список мужиков, которых я не хочу, можно продолжать до бесконечности. Но кому это интересно? Это, к сожалению, даже мне неинтересно. «Дэвушка, идем в баню! – весело кричал какой-то нацмен из моего детства. – Нэ хочешь – ходи грязный!»

Я достала связку ключей, вставила в замочную скважину. И в этот момент в квартире зазвонил телефон. От неожиданности я выронила ключи, присела на корточки и стала шарить рукой по коврику. Три ключа на колечке как сквозь землю провалились. Телефон заливался, а я все не могла найти связку. На лестничной площадке царил полумрак. Ключей не было. Мистика какая-то!

Я подняла коврик, вытряхнула его, осмотрела лестничную площадку – ничего! Ну не испарились же они, в самом деле! Ничто в природе не исчезает бесследно... и так далее. Куда же они делись? Телефон все звонил. Черт бы его побрал!

Я стояла, прислонившись спиной к двери. Соображала. Главное, спокойствие. Перебрав все возможности и ни к чему не придя, я вытряхнула содержимое сумочки на ковер. Ключи, звякнув, выпали с остальным барахлом. Я отодвинула их на край коврика, запихнула обратно в сумку весь скарб. После этого осторожно подняла ключи. Перед моим мысленным взором промелькнула картинка – связка летит вниз и падает в раскрытую сумочку. Только и всего. Чудес не бывает.

Телефон, конечно, уже молчал. Зато мигал автоответчик. Я с некоторой опаской нажала на кнопку – хватит на сегодня сюрпризов! Из динамика полился бархатный голос Александра Урбана.

– Ксения, где вы? – спросил он печально. – Я названиваю вам целый вечер, а вас нет. Сейчас уже почти полночь, время всякой нечисти. Маленьким девочкам пора спать. (Услышь я подобное от кого-нибудь другого, я бы только фыркнула, но Александр сказал это удивительно... мягко!) Ксения, где же вы? – продолжал взывать он. – Позвоните мне. Я буду ждать. Спокойной ночи.

Голос у него был такой... как бы это сказать? Ощущение мелькнуло и пропало. Чуть насмешливый... да! Так взрослые говорят с детьми. «Дура Стелка!» – вдруг подумала я. Щеки горели. Я включила запись еще раз. Александр повторил свой монолог. И еще...

Почему бы и нет?

Он позвонил рано утром, не было семи.

– Господи... – пробормотала я в трубку. – Алле?

– Доброе утро, Ксения, – произнес Урбан бодро. – Я вас не разбудил?

– Разбудили! Но это такая мелочь... Мне страшно интересно, что заставило вас позвонить в семь утра.

– Извините, – покаялся Александр. – Я поднимаюсь в шесть и все время забываю, что остальное человечество еще спит. Меня ничто не заставляло, просто захотелось услышать ваш голос.

– Может, вам нужна квартира в центре с двумя лоджиями?

– Нужна! Мне нравится, как вы берете быка за рога.

– Так бы и сказали! Наша брокерская фирма берется найти вам квартиру. Какой суммой вы располагаете?

– Ксения, Ксения, пожалуйста! – взмолился Александр. – Я действительно хотел услышать ваш голос. Вчера я звонил несколько раз, но вас не было дома.

– Да, не было.

Я подавила желание объяснить, где находилась. Удивительное дело, утром флюиды Александра действовали меньше, чем вечером или ночью. Сейчас я уже не так уверена, что хочу его видеть. А чего же я хочу?

– Мы не могли бы пообедать сегодня? – спросил Александр.

– Боюсь, что нет, – вежливо ответила я. – Сегодня никак не получится.

Господин Бяготти однажды сказал, поучая меня, молодую и глупую, что уважающей себя женщине не следует принимать приглашение провести вместе уик-энд, сделанное позже вторника. «Не позже вторника, моя девочка, – настаивал господин Бяготти. – Запомните это и не бойтесь сказать «нет». Если это ваш мужчина, никуда он не денется. А если больше не позвонит – значит, случайный».

– Жаль, – ответил Александр. – Я все время думаю о вас. Еще раз извините, что разбудил. Прощайте.

Щелчок и сигналы отбоя в трубке.

Обескураженная скорой расправой, учиненной мне экстрасенсом, я держала трубку, словно надеялась услышать что-нибудь еще. Но из трубки раздавался только противный писк. Щеки и уши мои горели, особенно правое ухо, к которому прижата трубка. Наверное, нужно обидеться. Он что, никогда не получал отказа? Все сразу соглашаются и бегут вприпрыжку навстречу своему счастью? Не на такую напал. Подумаешь, экстрасенс! Тоже мне, профессия для мужчины. Хиромант несчастный!

Растравляя себя подобным образом, я побрела в ванную. Постояла под душем. Опять без удовольствия пила кофе. Черт бы тебя побрал, Александр Урбан! У меня было все хорошо, даже расчудесно, а ты появился и все испортил. Теперь я буду думать о тебе, мысленно продолжать диалог и доказывать, что ты не прав. Равно как и доктор Лапин. Не прав! Тебе следовало спросить: «А завтра?», только и всего. Я бы ответила: «Да!» И дело с концом. Существуют стереотипы поведения и правила игры, они же законы жанра, и не стоит выдумывать велосипед. Играйте по правилам, Александр Урбан!

Около восьми телефон зазвонил снова.

– Да! – закричала я.

– А завтра? – спросил Александр.

– Я уже думала, вы не позвоните, – рассмеялась я.

– Я решил дать вам еще один шанс. Завтра?

– Завтра, – ответила я.

Глава 9

Лесное озеро

– Здесь случилась странная история, – сказал Александр. – Две недели назад. Ночью исчезла женщина...

– Как исчезла? – удивилась я. – Что она делала тут ночью?

– Это был пикник с ночевкой. Вечером вся компания сидела у костра, потом разошлась по палаткам, а утром она уже пропала...

Время давно перевалило за полдень. Нежаркий день позднего лета, преддверие осени. Прохладные ночи и долго не высыхающая ледяная роса по утрам. Бледное позднее заставшее солнце. Синее небо, безветрие и неподвижность листьев и травы.

Александр привез меня в Черное урочище, к озеру, спросив, не буду ли я против. Еще он спросил, как давно я была в последний раз на природе. Я ответила, что недавно – в прошлом году. Он рассмеялся и сказал: «Тогда едем, вам бы все по заграницам...»

Большая поляна, окруженная лесом, лежала перед нами. Сочная зелень, лишь кое-где тронутая желтыми брызгами осени. Терпкий пронзительный запах увядающей травы и влажной земли, ледяной сквознячок от неподвижного черного озера. Удивительно тихо вокруг. Ни движения листа, ни ряби на воде. Даже птицы молчали. Что-то было гнетущее в этой тишине этого места, и воспринималась она не как покой, а как транс. Казалось, кто-то зачаровал это место и теперь следит, прячась, за незваными гостями.

– Куда же она делась? – спросила я с недоумением, не желая верить в худшее.

– Пока ничего не известно.

– А... другие люди? Что они говорят?

– Другие люди – это ее муж и еще одна супружеская пара. Их друзья. Никто ничего не знает. Вечером они все сидели у костра, потом пошли спать. А утром оказалось, что ее нет.

– И никто ничего не слышал? Ночью?

– Нет. Утром они обыскали лес, ивняк по берегу озера, обошли его до самых камней, до того места, где еще можно пройти. Дальше топь и непроходимые заросли лесного ореха, ежевики, шиповника. Все так сплелось, что пролезть невозможно. Вы же знаете, озеро очень глубокое, с омутами и каменными мешками. Тут работали водолазы и спелеологи, но ничего не нашли. В северной части есть слабое течение – «подземная река», уходящая вглубь под каменные пласты. Если женщина попала туда, то... – Он взглянул на меня и смял фразу. – Вот такая история.

– Но... как она попала в озеро? Они что, устраивали ночные купания?

– Нет... по их словам. Посидели у костра и пошли спать.

– По их словам? Вы им не верите? Вы... думаете, они ее... А какое вы имеете отношение к этому всему? Они ваши друзья?

– Не думаю, что они ее. Вернее, не знаю. Зачем? И потом, необязательно озеро. Озеро – это подсказанная обстоятельствами версия. Не более. Эти люди не мои друзья, я никогда их раньше не видел. Я присутствовал на допросах...

– Вы? Почему?

– По просьбе одного продвинутого следователя. Он верит в мою... интуицию.

– И что?

– В каком смысле?

– Ну, что вы... почувствовали? На допросах?

Александр молча смотрел на меня, словно раздумывал. Потом пожал плечами:

– То, что я почувствовал, ровным счетом ничего не значит. В наших шкафах полно скелетов.

– А кто эти люди?

– Мужчин связывает школьная дружба, женщин... Тут такой нюанс. Женщина, которая исчезла, вторая жена одного из них – молодая, легкомысленная, красивая. Разница в возрасте с мужем около двадцати лет. Отношения ее со второй дамой были несколько натянутыми, что и понятно. Они впервые выехали вместе. После женитьбы этого человека – его зовут Олег Дударев – отношения стали прохладными, если не сказать враждебными. Жена друга, Иннокентия Тюнкина, Рита, дружила с первой женой и осуждала Олега и Лену – так звали пропавшую женщину. В прежней семье остались два мальчика, шести и девяти лет. Постепенно острота неприятия сгладилась, и они, как и раньше, все вместе выехали на природу. Все как водится – волейбол, купание в озере. Кстати, здесь очень мягкая вода, полная минеральных солей, что хорошо для кожи. Вечером жгли костер. Они приехали в пятницу вечером, в субботу – все было как обычно, вечером – посиделки у костра, а в воскресенье утром Елена уже исчезла. Вот такая история, Ксения.

– Кто предложил это место? И вообще выехать на природу?

– Хороший вопрос! Очень уместный. Предложил выехать на природу Олег, так как чувствовал себя виновным в охлаждении отношений. Не с Иннокентием – мужчины дружили по-прежнему, а с его женой Ритой. Это было, так сказать, предложение выкурить трубку мира и зарыть томагавк... Как там говорится? На тропе войны? Или под тропу? По его словам, все было отлично. Рита почти не дулась. У нее вообще сложный характер. Леночка теребила их всех, тащила в лес... Кстати, в последнюю ночь, когда они сидели у костра, она вдруг побежала в чащу...

– Зачем?

– Надоело сидеть, наверное. Как я понял, она была неугомонная, веселая молодая женщина, душа компании.

– А они?

– Муж побежал за ней. Он боялся за нее. В лесу темно... Тут начал кричать потревоженный филин.

– Странная фантазия, – пробормотала я, ежась.

– Странная. Молодые женщины, Ксения, иногда ведут себя странно и непредсказуемо, – ответил Александр. – Спустя какое-то время в лес отправился Иннокентий. Рита осталась у костра.

Представьте себе картинку: Лена бегала в лесу вокруг поляны и звала мужчин, ухал филин, светила луна, горел костер. С одной стороны, обычная выходка легкомысленной особы, с другой, принимая во внимание случившееся, поступок, полный странного смысла. Она убежала от них. Играла. Рита сидела у костра, прислушиваясь к голосам...

Он помолчал.

– А что было дальше?

– Ничего особенного. Они вернулись. Первой Лена, сразу за ней – Олег, потом Иннокентий. Лена хохотала, была возбуждена, тормозила Риту, спрашивая, почему она не пошла с ними. «Там страшно! – пугала она. – У-у-у!»

Вообще, мне показалось, что Лена придумала себе игру, жестокую, в силу своей молодости. Она приставала к Рите, болтала разные глупости, смеялась, шутила. А Рита весьма тяжеловесная особа, не умела и не хотела отвечать тем же, не обладая ни легкостью, ни маневренностью. Да и обида еще не прошла... за порушенную семью. И разница между этими двумя разительная. Рядом с Ритой Лена казалась еще моложе, а Рита, наоборот, угрюмой, брюзгливой и старой...

Но это все мои домыслы, Ксения. От богатого воображения. Хотя они довольно банальны. Но с другой стороны... мир держится на стереотипах и банальностях, как вам известно. И наблюдательный человек, обладающий даже скромным жизненным опытом, просекает ситуацию с ходу. Новый брак с юной женщиной – стереотип. Избалованная, неугомонная новая жена – стереотип. Восприятие ее мужем как игрушки, в отличие от первого «серьезного» брака, – стереотип. Осуждение и зависть женщин – стереотип. Одобрение и зависть к нему мужчин – тоже стереотип. Так что проникнуть в отношения и чувства этих людей не так уж сложно. Вы согласны, Ксения?

– Согласна... в общем. До тех пор, пока не случается то... что случилось. Ведь вы с вашим жизненным опытом и наблюдательностью не знаете, что произошло, правда?

– Правда, Ксения. Самая чистая правда на свете. Но то, что случилось, – не стереотип. Наоборот...

Он повторял мое имя, и каждый раз я чувствовала острый укол в сердце. Он так произносил его... как никто никогда. «Как «молитву», – вдруг пришло мне в голову. У него приятный голос, теплый, ласковый, полный смысла... Я представила, как он прикасается ко мне, повторяя: «Ксения... Ксения...» И вспыхнула. Сначала вспыхнуло лицо, потом шея, потом стало жарко в груди и коленях... померкло в глазах и...

– Побродите вокруг, – вдруг сказал Александр, возвращая меня на землю. – Подышите лесом. Вам полезно бывать около воды, как всем трудоголикам. Смотрите! Видите вон там желтый цветок? Знаете, что это?

Я только сейчас заметила в конце поляны, у самого леса, высокий толстый стебель, увенчанный кисточкой крупных желтых цветков. Они были яркие и, казалось, светились. Знала ли я, что это?

– Этот цветок в Италии называют...

– ...зажженная свеча Господа! – перебила я.

– Откуда вам это известно? – удивился экстрасенс.

Я пожала плечами:

– Случайно. Видела на картинке...

– Интересное растение. Сходите посмотрите, только не уходите далеко, а то потеряетесь.

А я похожу вокруг, подумаю...

Сказав это, он повернулся и ушел, оставив меня одну. Внезапность, как я начинала понимать, это свойство его натуры. Когда ему нужно, он поворачивается и уходит. Или вешает трубку.

Мощный стебель «зажженной свечи» напоминал дерево. Желтая кисточка торчала высоко над моей головой. Как когда-то в детстве, я ухватила стебель двумя руками и, сделав усилие, нагнула. Соцветия ткнулись мне в лицо, и я, не удержавшись, глубоко вдохнула их теплый травяной дух...

Шершавый стебель подрагивал в моих руках. Цветок хотел на свободу. Я разжала руки и выпустила его. Он немедленно разогнулся, тряхнув кисточкой. Посыпались на траву мелкие лепестки. Я стояла и смотрела на желтые кружки на траве и видела маленькую девочку, на цыпочках тянущуюся к «зажженной свече». Загорелую, с испарапаннными коленками, в пестром сарафанчике...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.